

Глава 1

Будущее без кланов

ОТЕЛЬ И КАЗИНО «ДВОЙНАЯ СТАВКА» — неподходящее место для зарождения революции. В качестве цели оно годилось лишь по той причине, что Бери здесь работал и знал, как пройти мимо охраны. Пока Жанлун дрожал от холода в самую промозглую зиму за многие десятилетия, яркие огни в сверкающем игорном зале не гасли круглые сутки, и в закрома Равнинного клана стекались деньги от азартных игроков и туристов. Но не сегодня.

За десять минут до полудня Бери толкал по игорному залу в сторону лифта багажную тележку с тремя чемоданами. В лифте пылко спорили три бизнесмена.

— Горные предложили мне выплачивать на пятнадцать процентов меньше дани. От Коулов такого не дождешься, — проворчал лысый в синем костюме. — Но при этом они ожидают, что я буду конкурировать с иностранными сетевыми магазинами, которые появляются как грибы после дождя из-за сделок, заключенных Равнинными.

Его коллега поморщился:

— Так что же, вы предпочли бы платить дань Айт Маде?

— Айт — убийца и жаждет крови, ну и что с того? Все они такие. Она поступила так, как должна была, чтобы сохранить Горный клан, — сказал загорелый бизнесмен. — По крайней мере, на первое место она ставит интересы Кекона, и теперь, когда она наконец-то объявила наследника, я думаю, что...

Дверь лифта, уже начавшая закрываться, снова открылась, и вошли два иностранца, заняв оставшееся от тележки Бери пространство. Одежда на них была не-

приметная, но они не выглядели как туристы. Три бизнесмена умолкли и оглядели незнакомцев с вежливой подозрительностью. В последнее время Жанлун кишел иностранными шпионами, вынюхивающими корпоративные и правительственные секреты.

Лифт опустился на парковку, и дверь с тихим писком открылась. Когда все пассажиры вышли, Бери выкатил тележку вместе с ее содержимым на парковку и посмотрел на часы. Зеленые кости Равнинного клана не спускали глаз с прибыльных игорных домов на шоссе Бедняка, но этот район патрулировало не так уж много людей. Эйтен, бывший Кулак, который и дал Бери работу в «Двойной ставке», сегодня отсутствовал. Бери несколько месяцев отслеживал смены охранников и знал, что ровно в полдень поблизости не будет ни одного другого нефритового бойца клана. Конечно, как только начнется заварушка, они быстро появятся, так что главное — скорость.

Рядом с Бери припарковался фургон. С переднего сиденья прыгнул Тадино, Отоньо и Гурихо вылезли из задних дверей. Трое выходцев из Оортоко не особенно нравились Бери, с их иностранным акцентом и уродливыми югутанскими шмотками, в особенности Тадино, обладатель узкого, как у терьера, лица, да и голос его скорее напоминал лай. И все же из всех знакомых Бери лишь эти трое ненавидели Зеленых костей так же пылко, как и Бери, и так же страстно желали их уничтожить.

— Нас даже не остановили и не задали ни одного вопроса, — твякнул Тадино. А даже если бы и остановили, в фургоне не было оружия или чего-либо подозрительного.

Бери сбросил на пол чемоданы с тележки и открыл их. Гурихо, Отоньо и Тадино вытащили содержимое: противогазы, баллончики с краской, монтировки, пистолеты и гранаты со слезоточивым газом.

Когда они были полностью готовы, своим служебным ключом Бери открыл дверь на лестницу рядом с лифтами. На верхней площадке он отпер еще одну дверь, впустив их в покрытый ковром коридор, ведущий на кухню казино.

Тадино ухмыльнулся и натянул противогаз. Гурихо и Отоньо похлопали друг друга по спине и последовали

его примеру. Гурихо немного замешкался, чтобы затолкать под маску свою длинную бороду. Не оглянувшись на БERO, они помчались по коридору. Отоньо бросил одну гранату со слезоточивым газом на кухню, а Тадино швырнул другую в игорный зал, где она начала с шипением испускать газ. Послышались крики, кашель и натужное дыхание, а потом топот ног, и БERO прислонился к двери на лестницу, постаравшись стать невидимкой. Прогремел выстрел, заверещала сигнализация, перекрывая треск мебели и звон разбитого стекла, металлический лязг пожарных выходов и резкий свист вращающихся дверей казино — задыхающиеся посетители «Двойной ставки» в панике устремились наружу, на шоссе Бедняка, покинув сумрачный и теплый уют игорных залов.

БERO закрыл нос и рот банданой и выглянул за угол. Он по-прежнему слышал жуткий грохот, но трудно было рассмотреть что-либо в дыму. В глубине души ему хотелось находиться в гуще заварушки вместе с остальными — выстрелить в воздух, треснуть монтировкой по стеклянному бару, разбить мебель и стены. Конечно, все сломанное починят, но это дорого обойдется Равнинным. Унизит их и послужит уроком. БERO нахмурился. Да у него больше смелости и кровь гуще, чем у кого бы то ни было. На его счету такое, от чего эти оортокцы просто обделались бы.

БERO втянул голову обратно на лестничную площадку и закрыл дверь. Что и кому он докажет, сунувшись туда? Если появятся Зеленые кости, они переломают идиотам ноги, это в лучшем случае. БERO достаточно настрадался и приучился ценить свои конечности. Когда-то он и сам владел нефритом, а «сияния» у него было столько, что он купался в деньгах, но то давно в прошлом. Он ненавидел кланы, однако нуждался в работе.

Дверь с грохотом распахнулась, и на лестницу, покачиваясь и тяжело дыша, вышли трое его поделльников с безумными горящими глазами и взмокшими от пота волосами. БERO поспешил вместе с ними обратно на парковку. Он выскочил первым и пригнулся за углом, когда из ближайшего лифта высыпала кучка растерянных горничных и поваров. Как только они ушли, БERO нажал на кнопку аварийной остановки лифта, чтобы тот больше

не поднялся, и выпустил приятелей с лестницы. Они сорвали маски и побросали их в чемоданы.

— Залягте на дно недели на две, а потом встретимся в «Хурме», — напомнил им Гурихо, пока они залезали обратно в фургон.

Машина тронулась, и БERO остался на парковке в одиночестве.

БЕРО подкатил три чемодана с их отвратительным содержимым к мусорному баку и выкинул. Затем убедился, что его униформа чистая и не мятая, и вышел с парковки на свой обычный обеденный перерыв. Полчаса спустя, когда он вернулся, перед «Двойной ставкой» стояли две полицейские машины и одна пожарная, а вокруг расхаживали три Зеленые кости из Равнинного клана, сердито осматривая ущерб. Одинокие постояльцы отеля ежились на тротуаре в ожидании, когда их впустят обратно. БERO сунул руки в карманы и подождал вместе с остальными, пряча улыбку при взгляде на фразу, намалеванную на всю высоту стеклянных дверей казино: «Будущее без кланов!».

Глава 2

Предательство

шестой год, первый месяц

КОУЛ ХИЛОШУДОН ВНИМАТЕЛЬНО ИЗУЧАЛ обедающих с ним шестерых бизнесменов и надеялся, что не придется убивать ни одного из них. Они собрались в самом большом приватном зале ресторана «Двойная удача», и на столе осталось еще много блюд, однако у Хило не было аппетита. Он без колебаний отнял бы жизнь у врага, но это были люди из его же клана, он знал их и в прошлом относился к ним по-дружески. Равнинные нуждались в каждом лояльном человеке.

— Как здоровье вашей жены, Коул-цзен? — спросил Фонарщик Фуинь Кан, и за столом повисла неловкая пауза.

На лице Хило осталась улыбка, но, когда он посмотрел в лицо сидящему напротив мужчине, взгляд его был ледяным.

— Выздоровление требует времени, но ей уже лучше. Спасибо, что спросили.

— Приятно это слышать, — сказал Фуинь. — Нет ничего важнее, чем здоровье и безопасность наших родных. Да озарят боги Равнинный клан сиянием своей милости.

Он приподнял бокал с хоцзи в сторону Хило, и остальные бизнесмены последовали его примеру.

Фуинь не был типичным Фонарщиком без нефрита. Он носил два нефритовых кольца, нефритовые гвоздики в ушах и резную нефритовую застёжку на ремне. Бывший Кулак, он покинул боевой отряд Равнинных пятнадцать лет назад и занялся семейным бизнесом — торговлей. Несмотря на вежливую озабоченность Фуиня, Хило Почуял его нефритовую ауру — густое и перекатывающееся облако, ощетинившееся явными подозрениями и обидой.

Хило оттолкнул тарелку и откинулся на спинку стула, пока официанты уносили пустые блюда и подливали чай. Хило не смотрел на сидящую рядом Шаэ, но Чуял напряжение в ее ауре. Она тоже ела мало. Разговор явно не клеился.

— Я пригласил всех вас, потому что Шелест рассказала мне о ваших тревогах, которые вы хотели напрямую обсудить с Колоссом, — сказал Хило. — Вы все — уважаемые и ценные Фонарщики клана, и, конечно, я готов ответить на ваши вопросы и решить проблемы, прежде чем возникнет серьезное непонимание.

Первым заговорил не Фуинь, а лысый мужчина рядом с ним, господин Тино. В клане он был с давних времен и дружил еще с покойным дедом Хило.

— Коул-цзен, — сказал Тино, — учитывая состояние экономики и конкуренцию, причем не только со стороны Горного клана, но и иностранных компаний, мы уже несколько раз просили Шелеста снизить размер дани. Вы, конечно же, помните, что Равнинные увеличили размер дани, чтобы сражаться на войне кланов, но с тех пор прошло уже шесть лет, а дань так и не снизили.

— Война кланов еще не закончена, пусть даже и не ведется в открытую, — напомнил Хило. — Горные по-прежнему намерены нас покорить, рано или поздно. Мы держим дань на разумном уровне и на эти деньги усиливаем клан, как считает нужным Шелест.

При этих словах Шаэ подалась вперед и сказала:

— Если мы хотим одолеть врагов, то должны нарастить возможности Равнинных. Мы модернизируем технологии, расширяем Академию Коула Ду, чтобы выпускать больше Зеленых костей, и отстраиваем наши зарубежные представительства и предприятия.

Помощник Шелеста Вун Папидонва немедленно передал ей папку. Шаэ открыла ее и начала доставать стопку листов.

— Могу показать бюджет клана на ближайший год и куда именно направляются средства от дани...

Третий Фонарщик, дочерна загорелый господин Эхо, нетерпеливо отмахнулся:

— Я не сомневаюсь, что вы тратите деньги. Проблема в том, как вы их тратите. Равнинные развивают бизнес в Эспении, а это обязательно навредит нашей стране в будущем. — Он старался не смотреть на Шелеста — у Фонарщика уже были трения с Шаэ. — Чуждые обычаи влияют на молодежь. Вот почему в нашем обществе стало больше преступлений и проблем. К примеру, случай в казино «Двойная ставка» на прошлой неделе. Просто позор! А хулиганов так и не поймали.

В ответ на его назидательный тон Хило прищурился:

— Если вы желаете обвинить кого-либо в преступлениях, вспомните о том, сколько бандитов-баруканов привезли в страну Горные, чтобы усилить свои ряды. Но давайте ближе к делу. Я знаю, что Горные пытаются подорвать нашу мощь, предлагая вам пониженную дань, и вам вдруг стало казаться, что несправедливо выплачивать дань в обычном размере, если можно платить меньше.

Установившаяся неловкая пауза послужила достаточно красноречивым подтверждением его слов.

Два Фонарщика тщательно избегали его взгляда.

Однако Фуинь Кан не отвернулся.

— Смена клана была бы тяжелым и трагичным решением, — сказал он. И действительно, такое решение не только повлияло бы на финансовое состояние Фонарщика, ему пришлось бы сменить место жительства, а детям ходить в другую школу боевых искусств, изменились бы все его социальные связи, друзья и враги. — Нам не хотелось бы заходить так далеко, вот почему мы и пришли к вам в надежде на урегулирование проблемы.

Остальные Фонарщики одобрительно заерзали. Фуинь позволил другим высказаться первыми, но, очевидно, именно он был зачинщиком, как и подозревал Хило. Все это плохо кончится. Хило в этом не сомневался, но тем не менее твердо объявил:

— Мы не можем сейчас снизить дань. Даю вам слово Колосса, как только наш бизнес за границей окрепнет, мы поделимся прибылью со всем кланом. В ближайшие пять лет Шелест будет постепенно понижать дань.

Он понятия не имел, разумно ли это с финансовой стороны, но звучало неплохо. Поскольку аура Шаэ налилась гневом, Хило сделал вывод, что она справится.

Фуинь покачал головой.

— Это трудно назвать компромиссом. Мы все единодушны в том, что будет справедливо, если Равнинные предложат то же, что и Горные. И мы твердо убеждены, что нужно изменить стратегию клана. И вместо расширения бизнеса за границей сосредоточиться на защите наших интересов дома.

Нефритовая аура Шаэ дрогнула от испуга, но ее голос был тверд:

— Если мы уменьшим дань и при этом откажемся от самого быстрорастущего источника дохода, клан лишится сразу двух денежных потоков. Мы подрубим сук, на котором сидим.

Два Фонарщика что-то пробормотали, но Фуинь взмахнул руками:

— У Горных дела идут прекрасно. Хотите сказать, что Равнинные не могут с ними тягаться? В таком случае вы не можете нас винить, если мы решим вместе бороться за лучшее будущее.

Эти слова не звучали как угроза, но именно ею и были. Фуинь собрал несколько недовольных Фонарщиков и теперь намекал, что, если Равнинные не согласятся с их коллективными требованиями, они все вместе перейдут в Горный клан. Даже Шаэ не ожидала подобного шантажа и явно не находила слов.

Хило переполняли холодная злость и разочарование.

— Фуинь-цзен, — сказал он, сосредоточив все внимание на бывшем Кулаке и игнорируя остальных, — зачем вы пришли сюда с просьбой ко мне, если уже перемет-

нулись к Горным? А этих людей вы пытаетесь перетянуть вместе с собой по приказу Айт Мады?

Лицо Фуиня застыло.

— О чем это вы?

— Вы уже несколько месяцев платите дань Горному клану. Могу показать вам доказательства, которые собрал Маик Тар, или, может, сами признаетесь и перестанете лгать мне в лицо? — Хило говорил спокойно, но с нескрываемой ледяной угрозой. — А вы ведь не просто Фонарщик, как другие. Вы — Зеленая кость, предавшая клятву клану.

Над столом повисла мертвая тишина. Едва слышный гул из других залов «Двойной удачи», доносившийся из-за закрытых дверей, казался какофонией. Остальные Фонарщики отпрянули, их лица побелели, а Фуинь медленно встал:

— Вы обвиняете меня в предательстве клана? Я был уже Кулаком первого ранга, когда вы еще были сопливым мальчишкой в Академии. Это вы всех нас предали, Коул Хилошудон.

Обида, которую Хило почувствовал в ауре Фуиня, всколыхнулась бурей, и тщательно выверенный налет вежливости исчез.

— Мой отец с нуля создал процветающее дело с помощью клана и трудясь не покладая рук. Благодарю богов, что его уже нет в живых и он не увидит, как его компанию вытесняют с рынка, и все потому, что вы открыли страну для иностранцев, прямо как раздвигающая ноги шлюха. — Голос Фуиня задрожал и налился гневом. — Мой сын так вами восхищался и во всем хотел быть похожим на вас. Ему было всего двадцать, он лишь полгода пробыл Пальцем, когда его убили ни за что ни про что, из-за клановой войны, которая никогда бы не началась при вашем брате или деде. И вам хватает наглости ожидать от меня преданности? Нет, Коул-цзен, вы не Колосс, а щенок, а ваша сестра лижет эспенские сапоги. Я ничего вам не должен.

Хило молчал невероятно долгое для него время. Он Чувал глухие удары сердца и сдерживаемое дыхание, в особенности у Шаэ, но все это казалось таким далеким по сравнению с нарастающим в руках и голове напряжением.

— Фуинь-цзен, — наконец сказал он, — как я вижу, вы возненавидели меня из-за перенесенных страданий, но совершенно напрасно позволили Айт Маде себя использовать. — Он встал, оказавшись лицом к лицу с Фонарщиком. — Если вы чувствовали себя таким несчастным, то могли бы поговорить со мной в любое время. Если ваше ожесточение вызвано проблемами в бизнесе или вы не можете простить мне гибель сына, вы могли бы только попросить, и ушли бы достойно, а может, даже основали бы собственный маленький клан в другой части страны. И ради прошлых заслуг и жертв вашей семьи я бы вам это позволил. Вам не пришлось бы переходить к Горным, не пришлось бы заманивать с собой других, пытаясь навредить Равнинным, чтобы выбраться из этой переделки.

Фуинь выпрямился. Он был выше Колосса и в свои сорок с лишним находился в прекрасной физической форме, тренируясь с молодыми Зелеными костями.

— Хотите сказать, что мне пришлось бы вымалывать разрешение покинуть город, в котором я родился, и жить как жалкий изгой? Вы ждете, что я теперь отрежу ухо и буду унижаться, умоляя сохранить мне жизнь? Никогда. — Его лицо окаменело, выражая чудовищную решимость. — Коул Хилошудон, Колосс Равнинного клана, я вызываю вас на дуэль на чистых клинках.

По комнате пронесся ошеломленный ропот. Никто уже много лет не решался бросить вызов Коулу Хило.

— Назовите место и... — начал Фуинь.

— Я отказываюсь. — От слов Хило воздух словно заledenел. На лице Колосса отразился его приснопамятный гнев. — Вы предатель и не заслуживаете дуэли. Я вам сочувствую из-за гибели сына и проблем в бизнесе, но многие из нас пережили чудовищные трагедии и не нарушают клятвы братству.

Фуинь на мгновение смутился. Даже Шаэ и Вун посмотрели на Хило с удивлением. Как всем было известно, Коул Хилошудон никогда не отвергал личный вызов. Не веря своим ушам, Фуинь качнулся на каблуках.

— Трус, — выплюнул он.

— Я Колосс Клана, — сказал Хило. — Глупо было бы не считать вас сильным бойцом, Фуинь-цзен. Может, у вас и нет больше причин цепляться за жизнь, но я не могу

рисковать, любое ранение помешает мне выполнять свои обязанности перед семьей и кланом. — Хило нахмурился, сообразив, что объясняет отказ не столько Фуиню, сколько самому себе. — Если вы хотите остаться в живых, отдайте все свое имущество клану и примите наказание — изгнание с Кекона. А если нет, я разрешу вам умереть с клинком в руках. Это все.

Хило еще говорил, когда двери в зал раздвинулись и вошли Цзуэн Нью, Штырь Равнинных, Маик Тар и Йин Ро. По приказу Хило Зеленые кости ожидали внизу, пока не Почуют угрозу со стороны присутствующих за столом. Эхо и Тино в ужасе вытаращили глаза и отпрянули от Фуиня, словно он вдруг превратился в бомбу с тикающим часовым механизмом. Когда Фуинь остался в одиночестве, его глаза забегали, а руки затряслись. Цзуэн, Маик и Йин обогнули большой стол с двух сторон, направляясь к Фуиню. Другие Фонарщики не осмелились покинуть свои стулья.

Шаэ начала вставать, и ее аура оцетинилась тревогой. Ведь именно Шелест вызвала Фонарщиков на этот обед, чтобы, предположительно, уладить проблемы, а он вот-вот превратится в казнь.

— Хило, — прошептала она достаточно громко, чтобы все услышали. — Так не делается. Давай...

Ее предложение так никто и не услышал. Фуинь резко выхватил спрятанный за поясом пистолет и открыл огонь.

Тар отреагировал мгновенно, подняв перед Колоссом волну Отражения, так что очередь прошла потолок обеденного зала и разбила два светильника. Вун схватил Шаэ за руку и загородил ее своим телом. Цзуэн и Йин повалили двух других Фонарщиков на пол. Фуинь Кан бросил пистолет, с Легкостью перемахнул через стол и направил изогнутый боевой нож к горлу Хило.

Отражая атаку, Хило с Легкостью запрыгнул на стол, схватил Фуиня за локоть и с силой врезал ему в солнечное сплетение. Еще летящий вперед Фуинь потерял равновесие и Легкость, его ноги коснулись стола. Бывший Кулак пошатнулся, но все же Сконцентрировался и нанес смертоносный удар, который чуть не пробил Броню Хило. Колосс дернулся, резко уклонился и потянул сопер-

ника за собой. Когда тот полетел на край стола, его нога задела тарелку с остывающим супом. Из-под ног полетели тарелки, стаканы и еда.

Много лет назад, когда Хило был еще подростком и учился в Академии, он тренировался в Легкости и равновесии со спарринг-партнерами на тонких планках и ходящих ходуном платформах. В то время это упражнение казалось ему глупостью. Драки проходят на асфальте и бетоне, а не на перекинутых через водопад бревнах, как в кино. Стоя на столе, он за долю секунды вспомнил, как наставники твердили ему: ни одна Зеленая кость не может быть уверена, что будет драться в идеальных условиях, как бы хорошо ни готовилась. И теперь, когда они сплелись воедино и балансировали на краю стола, Хило схватил Фуиня левой рукой за затылок, словно рельебольный мяч, который он собирался бросить на поле. Мелькнувший в его правой руке нож погрузился Фуиню в горло. Схватив Фонарщика за волосы, Хило толкнул его лицом на стол, и, когда посреди звона разбитых тарелок Фуинь рухнул на колени и нож еще глубже вошел ему в шею, Хило со всей Силой дернул нож вверх, рассекая трахею.

Секунду Фуинь дергался, уронив со стола еще несколько тарелок, а потом затих, и кровь под его подбородком растеклась темной лужицей на красной скатерти, смешавшись с пролитым супом и ошметками других блюд. Хило спрыгнул со стола. Все это заняло меньше минуты, и в ушах у него еще шумело после выстрелов в таком тесном пространстве. Когда он заговорил с оставшимися пятью Фонарщиками, которые поднимались с пола, то не был уверен, кричит он или говорит нормально.

— Кто-нибудь еще настолько же сломлен горем или недоволен и хочет поддержать требования Фуиня?

Фонарщики покорно встали. Господин Эхо взглянул на тело Фуиня и громко сглотнул, а потом поднес сомкнутые ладони ко лбу и склонился перед Колоссом в глубоком поклоне:

— Коул-цзен, мне стыдно признаться, но я присоединился к Фуиню из эгоизма и жадности. Я ничего не знал о его гнусном предательстве. Я благодарен вам и полностью поддерживаю ваше предложение о постепенном снижении дани.

— Я тоже, Коул-цзен, — быстро вставил господин Тино, отряхивая брюки. — Простите за то, что был таким глупцом. Я думал, Фуинь выступает за всех нас, но теперь понимаю, как я ошибся, доверившись ему. Нам повезло, что вы его раскусили.

Остальные Фонарщики пристыженно кивали, выражая преданность клану.

Хило подавил желание надавать им затрещин и потребовать немедленно отрезать уши, чтобы заслужить прощение. Но он знал, что у бизнесменов кишка тонка, а теперь, когда они увидели труп Фуиня на столе, Хило уже достиг цели. Нет смысла продолжать их запугивать, разве что получить удовольствие. Хило с отвращением отвернулся.

— Уведите их отсюда, — велел он Кулакам.

Йин Ро вывела униженных Фонарщиков из ресторана. Они и рады были уйти, напоследок бросив в дверях быстрые и нервные взгляды на Хило. Кто-то из них, возможно, встревожится и перепугается настолько, что и впрямь пришлет ухо в коробке, но Хило было плевать. Он считал, что никогда не стоит полагаться на Фонарщиков, не носящих нефрит. Они ожидают помощи от своего клана, а сами находятся под защитой кодекса айшо, думая лишь о деньгах, и с легкостью могут переметнуться ради выживания и прибыли. Не стоит винить Айт в том, что она всеми силами пытается их переманить.

— Пойду поговорю с господином Унем и успокою всех, — сказал Цзуэн.

Выстрелы и шум схватки наверняка всполошили клиентов «Двойной удачи» и встревожили старика-владельца. Когда Штырь вышел, Тар обнял Хило за плечи.

— Ты слишком быстро его уложил, Хило-цзен, — сказал он с шутливой обидой. — Я, как-никак, твой помощник, мог бы дать мне возможность завоевать хоть часть его нефрита.

Хило с кислой миной глянул на распростертое тело Фуиня, не улыбнувшись шурина в ответ.

— Забери нефрит в пользу клана, — велел он. — У меня нет желания его носить, ведь его сын погиб за Равнинных, когда я был Штырем.

Он направился к двери.

Шаэ, чья нефритовая аура недовольно пощелкивала, преградила брату дорогу.

— Ты что, собираешься вот так уйти, не сказав больше ни слова? — возмутилась она.

От ее тона Хило гневно раздул ноздри.

— А что еще ты хочешь от меня услышать? Ты сказала, что нужно встретиться с недовольными Фонарщиками и обсудить их проблемы. Теперь-то они всем довольны, верно?

— А тебе не кажется, что сначала стоило обсудить это со мной, если ты собирался казнить Фуиня на глазах у остальных? Почему ты не сказал, что у тебя есть доказательства его измены?

— Потому что у меня их и не было, — огрызнулся он. — Просто интуиция. А когда я увидел его реакцию, то убедился в том, что она меня не подвела. Он затаил на нас обиду, неудивительно, что Айт им занялась. Он наверняка собирался умереть и прихватить меня с собой.

Как ни крути, Хило принял предательство бывшего Кулака близко к сердцу. Обвинения Фуиня звенели в его голове, и ему хотелось поскорее выйти из ресторана, оказаться подальше от трупа. Он попытался протиснуться мимо Шаэ, но она снова преградила ему путь

— Так нельзя, Хило, — не унималась она. — Казнь предателя на время приструнит людей, но не разрешит проблем, которые настроили этих Фонарщиков против нас. Мы не обсудили проблемы, как положено Колоссу и Шелесту.

Хило наклонился к сестре и прошипел сквозь зубы:

— Хочешь говорить со мной как положено Шелесту? Так и веди себя как Шелест. Ответь, каким образом Горным удастся переманивать наших бизнесменов пониженной данью, которую они не могут себе позволить? Скажи, как нам помешать им и победить. А если не можешь, так избавь меня от своих нравоучений.

Шаэ уже открыла рот для ответа, но снова закрыла так резко, что Хило услышал, как стукнули ее зубы. Шаэ хмуро посмотрела на него, и ее лицо вспыхнуло от досады. Маячивший поблизости Вун положил руку ей на плечо и оттащил назад, чтобы Хило смог наконец-то уйти.

Цзуэн еще успокаивал встревоженного господина Уня, тем самым избавив Хило от встречи с заламываю-

щим руки ресторатором, утирающим пот со лба. Во время краткой заварушки обычная толпа обедающих посетителей схлынула, возможно, испугавшись, что драка выплеснется в другие залы «Двойной удачи», или переполошившись после нападения анархистов на казино «Двойная ставка» на прошлой неделе. Но некоторые еще шатались поблизости. При виде Хило они пробормотали уважительные приветствия, касаясь ладонями лба, но при этом украдкой заглядывали в зал, на труп, выворачивая шеи с нездоровым любопытством, какое вызывают автомобильные аварии или горящие здания. К вечеру по Жанлуну разнесутся слухи о том, что случилось с предателем Фуинем Каном.

Хило вышел на улицу и сел за руль «Княгини Сигны». У него было собственное парковочное место перед «Двойной удачей», которое он занимал каждый раз, когда здесь обедал. Тар вышел вслед за ним и облокотился на открытое окно со стороны пассажирского сиденья.

— Куда едешь? — спросил помощник Колосса с легким раздражением, вызванным не то заботой, не то неудовольствием от того, что его не позвали.

— Хочу прокатиться, развеяться, — ответил Хило, вставляя ключ в зажигание. — Помоги Цзуэну и Йин здесь закончить. — Были времена, когда Хило побоялся бы оставить Майка Тара и Йин Ро вдвоем разруливать дела клана, учитывая их страстные отношения в шаге от любви до ненависти, но сейчас у них был мирный период. — И подготовься к поездке в Порт-Масси. Там будет холодно, возьми теплую одежду. У тебя есть все необходимое? Билеты, паспорт и все остальное?

— Конечно, — ответил его шурин.

— Вернусь домой через пару часов.

Слегка озадаченный, Тар остался на парковке, и Хило бросил на него прощальный взгляд в зеркало заднего вида.

* * *

Полчаса Хило ехал куда глаза глядят. В Жанлуне начали появляться новогодние украшения, но яркие цвета потускнели на фоне серого неба без солнца. Люди радовались тому, что в горах выпал снег.

Хило невзначай оказался в Доках и остановился напротив мужского клуба «Божественная сирень». За последние годы в Жанлуэ многое изменилось, но только не «Божественная сирень». «Хороший бизнес, которому не угрожают ни новые веяния, ни иностранная конкуренция», — хмуро подумал Хило. Швейцар забрал его машину, а на пороге его поприветствовала отработанной фальшивой улыбкой владелица клуба и Фонарщица клана, госпожа Суго. Конечно, она никогда не выказывала ему неуважения и старалась во всем угодить, но определенно не радовалась нерегулярным и неожиданным визитам Колосса.

— Коул-цзен, — сказала госпожа Суго после приветствия и проводила его в пахнущую розами комнату с диваном. — Как приятно снова вас видеть. Мне послать за Суми или за Виной?

Хило покачал головой:

— Нет, за кем-нибудь другим.

Нарисованная улыбка госпожи Суго дернулась, но осталась на месте.

— Могу ли я спросить, Коул-цзен, только чтобы лучше вас обслужить, вам чем-то не понравились девушки, с которыми вы проводили время?

— Они шлюхи, — ответил Хило, совершенно беззлобно, просто устало. Он бросил пиджак на спинку дивана и налил себе стакан лимонной воды из кувшина на столе. — Только не присылайте ко мне никого, с кем имел дело мой брат. Мне противно даже подумать о таком.

Госпожа Суго поджала губы, скрыв раздражение поклоном, и удалилась, закрыв за собой дверь. Хило плюхнулся на диван, прикрыл глаза и потер веки пальцами. Раньше он не понимал, почему Лан сюда приходил — наверное, его брат был отчаянно одинок. Теперь ему оставалось лишь пожалеть себя, ведь он оказался в таком же положении. Вот уже шесть лет он был Колоссом Равнинных. Дольше Лана. Они с братом не были похожи, но, возможно, положение Колосса одинаково влияет на каждого человека — делает его одиноким и усталым, пока в конце концов не добьет, быстро или медленно.

Хило не мог не задуматься над тем, ощущает ли Айт Мада, убившая столько людей из собственного клана,

такое же глубокое разочарование и боль, как и он, или она просто от рождения настолько жестокосердна, что ничего не чувствует. После безуспешного покушения на убийство Айт, предпринятого семьей Фен из Горного клана, Хило уже не удивлялся, что враги пользуются любым недовольством или слабостью Равнинных. И все же Шаэ была права, как ни больно это признавать. Предательство Фуиня — не единичный случай, а его смерть не разрешит гораздо более серьезную проблему. Не сумев убить Хило, Горные теперь сделали ставку на экономическую подрывную кампанию против Равнинных.

Послышался деликатный стук в дверь. Хило встал с дивана и открыл. За дверью стояла смуглая, миловидная девушка, гораздо интереснее той, что обслуживала его в последний визит, три месяца назад. Она держала черный поднос с бутылкой хоцзи и двумя чашками, на глиняном блюде лежало то же самое финиковое печенье.

— Коул-дзен, — просительным тоном сказала она, но твердые нотки в голосе подразумевали, что госпожа Суго и другие девушки подготовили ее к тому, чего ожидать. — Можно войти?

Хило придержал для нее дверь. Девушка поставила поднос на низкий столик перед диваном, опустилась на колени и отдернула край рукава, потом открыла бутылку хоцзи и налила две порции в маленькие чашки. Хоцзи было выдержанное, со сложным и сильным ароматом.

Выпив, Хило приказал:

— Ступай в постель.

— Коул-цзен, — повторила девушка умиротворяющим тоном, — нам некуда спешить. Вы можете остаться на всю ночь. Почему бы вам не отдохнуть? Позвольте доставить вам удовольствие. Вы ведь можете ненадолго забыть про обязательства Колосса. Давайте еще выпьем, и вы расскажете, как провели день.

Хило мрачно скривил губы:

— Дома меня ждут жена и дети. Мне не нужны разговоры. — Он встал. — Если ты не против, это не займет много времени.

Девушка уставилась на него. Она уже открыла рот, словно хотела снова попытаться его уговорить, но потом с гневом передумала. Больше не пытаясь притворяться,

она опрокинула в себя порцию хоцзи, проглотив ее залпом, затем встала и развязала поясok шелкового халата. Тот упал на пол неряшливой грудой. Обнажившись, девушка легла на кровать, и полный негодования взгляд показался Хило более привлекательным, чем фальшивая улыбка, — по крайней мере он был искренним. Кожа у нее была гладкой, а на плоском животе, около пупка, виднелась родинка.

Хило разделся. При виде крови на рукавах его рубашки глаза девушки округлились. Свой нож Хило отстегнул и положил на столик рядом с подносом. А увидев его голый торс, девушка еще шире распахнула глаза — на ключицах, груди и сосках поблескивал нефрит.

— Не прикасайся к камням, и ничего страшного с тобой не случится, — сказал он, прочитав в ее глазах тревогу. Хило взял из ящичка ночного столика пачку презервативов. — Повернись и встань на четвереньки.

Когда он закончил, девушка встала и пошла в ванную, а Хило оделся, забрал пиджак и нож и съел два финиковых печенья с подноса. На ночном столике он оставил щедрые чаевые. Больше всего девушки зарабатывали на постоянных клиентах, которые покупали им подарки и платили за обслуживание в любое удобное им время. Поскольку он не собирался встречаться с этой женщиной еще раз, Хило посчитал справедливым компенсировать ей напрасно потраченное время.

Внизу госпожа Суго с каменной улыбкой пожелала Хило доброй ночи. Ее раздражение было вполне объяснимо. «Божественная сирень» — заведение высшего класса, девушки играют на музыкальных инструментах, декламируют стихи и сопровождают клиентов на торжественные приемы. А Хило пользовался клубом как дешевым борделем. «Княгиня» ожидала его перед дверью. Швейцар не стал парковать машину в другом месте, с прошлых посещений зная, что хозяин не задержится надолго. Хило обошел вокруг своего дорогого автомобиля и наклонился, заглянув под него. С тех пор как с помощью подложенной в машину бомбы убили Майка Кена, его шурина и бывшего Штыря, Хило стал особенно осторожен по отношению к семейным машинам и водителям в поисках угроз, которые не мог Почуять.

— Ты выпускал из вида машину хоть на секунду? — строго спросил Хило.

Швейцар поклялся жизнью, что нет. Довольный тем, что к его машине не прикасались, Хило сел за руль, повернул ключ в зажигании и поехал домой.

* * *

Домой он вошел незадолго до ужина. Его мать и домработница Кьянла болтали на кухне, откуда вырывался аромат жареных овощей. Рано научившийся читать Нико лежал на диване. Он лишь поднял голову и бросил: «Привет, дядя», а потом снова вернулся к книжке с комиксами, зато Рю и Цзая подбежали к нему поздороваться, наперебой рассказывая новости и стараясь привлечь внимание. Хило поцеловал сына в макушку и позволил дочери вскарабкаться себе на закорки, а потом отнес ее вверх по лестнице.

— Пап, покажи свой новый нефрит! — попросил Рю, семена вслед за отцом.

На верхней площадке лестницы Хило повернулся и посмотрел на мальчика:

— О каком новом нефрите речь?

— О том, который ты выиграл, — напирал Рю, встав на цыпочки и обхватив Хило за пояс. — Дядя Тар сказал, что сегодня ты кого-то убил, члена клана, но он оказался плохим. Где твой новый нефрит?

Из горла Хило вырвался тихий рык недовольства. Видимо, его шурин прибыл домой раньше и уже заполнил детские головы упрощенной версией событий. Тар всегда был честен со своими племянниками относительно реальной жизни Зеленых костей и считал, что им следует знать — их отец еще и лидер крупного и могущественного клана, вот почему он часто занят и отсутствует дома. У него есть враги, которые хотят его убить, а иногда ему приходится убивать первым — ради того, чтобы каждый вечер возвращаться домой и укладывать детей спать.

Не то чтобы Хило не был согласен с Таром, но ему не хотелось забивать голову Рю рассказами о Зеленых костях. Из-за этого мальчик мог утратить веру в себя, осознав свою ущербность. Рю был каменноглазым и никогда

не сможет носить нефрит или занять сколь-либо значимую позицию в Равнинном клане. Хило печалило, что сын не станет нефритовым воином, но все же он испытывал и своего рода облегчение оттого, что у одного из его детей будет простая и более безопасная жизнь.

— У меня нет нового нефрита, — сурово ответил Хило. — У меня достаточно зелени, следует приберечь имеющийся нефрит на будущее, нам и так везет. И хватит верить всему, что говорит тебе дядя Тар. — Хило нагнулся и поставил Цзаю на пол, а потом с нежностью потрепал обоих детей по головам. — Спускайтесь, скоро будем ужинать.

Когда дети умчались, Хило выпрямился и толкнул дверь спальни. Вен отдыхала на кровати, прислонившись к груде подушек. Она выглядела истощенной, как всегда после физиотерапевтических процедур. Ей приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы заново научиться делать простейшие движения — ходить, перемещать чашку из одной руки в другую или стоять без поддержки. Это опустошало ее и физически, и эмоционально.

Несколько секунд Хило постоял в дверях, а затем подошел и сел на край кровати. Он положил руку на вытянутую ногу жены.

— Как все сегодня прошло?

— Не особенно ужасно, — отозвалась Вен. — Я смогла... д-дотронуться до пальцев ног и... встать, и даже не упала. — Она устало улыбнулась. — Почти п-победа.

Каждый день у Хило разрывалось сердце, когда он видел Вен такой слабой и немощной, слышал, с каким трудом она разговаривает. Временами он просто выходил из комнаты, не в силах смотреть, как она раздражается слезами от беспомощности, неспособности сделать простейшие вещи, например, закончить вслух предложение, идеально сформулированное мысленно. Но сейчас Вен хотя бы стало лучше по сравнению с тем, что было год назад, когда она совсем не могла пошевелить половиной тела и почти не говорила. Тогда Хило даже не был уверен, что не затронут рассудок, и, к стыду своему, несколько раз в отчаянии задумывался о том, не было бы гуманнее для них обоих, если бы Анден не сумел вернуть ее к жизни.

Вен всегда была грациозна, хорошо и уверенно говорила, несмотря на всю свою мягкость, и обладала реши-

мостью и волей. Хило любил ее больше всего на свете. А теперь не понимал, что чувствует. Порой при взгляде на жену он ощущал всепоглощающее безумное желание обнять ее, заняться с ней любовью и защитить во что бы то ни стало. Но чаще внутри у него бушевала ледяная ярость и отупляющая боль. Вен слушалась его, действовала втайне от него и подвергла себя опасности, чуть не оставила его вдовцом, а детей сиротами. Он изо всех сил старался уберечь ее, дать все, что она пожелает, быть хорошим мужем, а Вен причинила ему столько боли.

— Шаэ... сегодня... зайдет? — спросила Вен.

— Нет, — отрезал Хило.

— Ты должен... п... п... п... — Хило видел, как она пытается ухватить нужное слово и вытолкнуть из горла, как застрявший кусок еды. — Попроси ее... заходить чаще.

Хило встал, так и не ответив. Вен протянула к нему руку, но он отпрянул. Он видел боль в ее глазах. Наверное, теперь Вен уже привыкла к колебаниям в его чувствах. Временами Хило ненавидел себя за это, но в глубине души ему хотелось наказать Вен, причинить ей столько же боли, сколько она принесла ему.

— Ужин готов, — бросил Хило через плечо, покидая спальню. — Если ты не в настроении спускаться, я попрошу Кьянлу принести тебе тарелку сюда.

Глава 3

Невозможно прочесть по облакам

ПОСЛЕ ТОГО КАК БРАТ вышел, Шаэ резко опустилась на стул, самый дальний от тела Фуиня Кана, и прижала ладони ко лбу. Она твердила себе, что не виновата в таком завершении обеда — с ножами и кровопролитием, но все равно не верила в самоутрадительные заверения.

Она же, как-никак, Шелест и должна быть на шаг впереди всех остальных. Шелест читает по облакам, как утверждает народная мудрость. А сегодня чутье Хило оказалось острее ее суждений. Это ее уязвило. А правда

в том, что торговля с Эспенией, которую она продвигала, приносила Равнинным прибыль, но вынуждала кеконскую промышленность конкурировать с иностранцами. Шаэ внесла свой вклад в затруднения Фуиня и не могла винить его в таком поведении. Ее обязанность — обеспечивать преданность Фонарщиков Равнинного клана, чтобы брату не пришлось их казнить.

Вун сел рядом и положил руку ей на колено. Слава богам, он не был ранен во время схватки. Глава ее администрации редко действовал необдуманно, но хотя Шаэ носила больше нефрита, чем он, Вун машинально попытался защитить ее, когда Фуинь вытащил оружие. Шаэ не знала, стоит ли поблагодарить его или отчитать, чтобы больше не подвергал свою жизнь опасности подобным образом.

— Шаэ-цзен, ты поступила правильно, пытаюсь достичь компромисса, — тихо сказал Тень Шелеста. — Это Фуинь спровоцировал перестрелку, вероятно, за приличное вознаграждение.

Шаэ мрачно кивнула:

— Айт Мада — любительница подобных ловушек. — Если бы Равнинные согласились с требованиями Фонарщиков, это привело бы клан к финансовому краху. Если не наказывать их за переход к другому клану, крах наступит еще быстрее. Шаэ подняла голову. По крайней мере сейчас, после смерти Фуиня и разоблачения его предательства, у них появились варианты получше. — Нужно действовать быстро, чтобы активы Фуиня остались в клане, прежде чем на них попытаются предъявить права Горные. Даже сейчас можно извлечь что-нибудь из его бизнеса.

Глава ее администрации тотчас кивнул.

— К счастью, Колосс не согласился на дуэль. — Победитель дуэли на чистых клинках мог забрать нефрит противника, но не имел права прикасаться к имуществу его семьи. — Можем выкупить бизнес у его наследников и распродать по частям и со скидкой другим Фонарщикам, которые просили о смягчении дани. Это их умиротворяет. На этой неделе я лично переговорю с самыми крупными бизнесменами.

Это станет четким посланием из офиса Шелеста: предатель мертв и все достояние его семьи уйдет преданным членам клана.

— Спасибо, Папи-цзен. — Шаэ накрыла его ладонь своей. — Не знаю, что бы я без тебя делала.

Она почувствовала, что ее плечи слегка расслабились, хотя резкие слова Хило по-прежнему давили на грудь тяжким бременем. Брат уже не впервые ее отчитывал, но когда в прошлом их отношения были настолько же плохими, она на два года уехала в другую страну. А теперь ей все равно придется работать с Хило, чтобы управлять кланом, смирившись с обвинениями брата и попытками ее избегать. Она не могла даже заявить, что этого не заслужила. Шаэ действовала втайне от Колосса, не подчинилась ему, послала Андена и Вен в Порт-Масси, чтобы совершить убийство, из-за которого они оба чуть не погибли.

И Хило был прав еще кое в чем: Шаэ не знала, каким образом Айт удастся одерживать верх и как ей помешать.

Персонал ресторана закрыл зону рядом с обеденным залом. Тар и Йин вынесли тело Фуиня через заднюю дверь, не потревожив других посетителей, и господин Унь вернулся вместе с Цзуэном, чтобы оценить ущерб, нанесенный стенам и светильникам, который ему возместят за счет клана. Официанты уже убрали залитую кровью скатерть и рассыпанную еду.

— Нужно вернуться в офис, — сказала Шаэ, заставив себя встать. — Хами наверняка нас уже ждет.

* * *

Хами Тумашон сильно изменился с тех пор, как Шаэ видела его в последний раз. Проведя три с половиной года за границей, он слегка располнел и приобрел некоторые эспенские привычки: носил спортивную рубашку под пиджаком от костюма и прихлебывал из огромной дорожной кружки кофе с мускатным орехом. Но сильнее всего бросилось в глаза, что он не надел нефрит, и в отсутствие привычной и твердой нефритовой ауры Хами казался версией самого себя из параллельной реальности.

Много лет назад Шаэ тоже снимала свой нефрит, потом надела обратно, а затем в жестокой схватке потеряла почти весь. Она задумалась, не изменилась ли в самом деле реальность в каждой из этих болезненных поворот-

ных точек ее жизни. Возможно, в каком-то параллельном мире другая Шаэ продолжает идти иным путем, и та женщина, которой она стала сейчас, показалась бы ее знакомым приводящей в замешательство копией.

Пока Шаэ с Вуном сидели в «Двойной удаче», в главном конференц-зале подали обед, чтобы персонал мог отпраздновать триумфальное возвращение Хами в Жанлун. Бывший Главный Барышник увеличил отделение в Порт-Масси до двадцати человек, и недавно они переехали в новый, более крупный офис в центре города. Прибыль от эспенских активов возросла до впечатляющих восьми процентов общей прибыли клана, это не считая увеличения подконтрольного бизнеса Равнинных на Кеконе по импорту и экспорту. Казнь человека из-за реакции на эту единственную удачу клана выглядела горькой иронией.

— Терун Бин работает как вол, а его ум острее, как боевой нож. У него отлично получается, — объявил Хами, устраиваясь напротив Шаэ в ее кабинете.

Теруну Бину предстояло сменить Хами. В свои двадцать восемь лет он уже стал старшим и очень успешным Барышником, но, к сожалению, плохо переносил нефрит — возможно, потому, что на четверть был абукейцем, хотя не выглядел полукровкой, и об этом мало кто знал. Он получил образование не в школе боевых искусств, а в обычной, хотя и элитной, и заработал лишь один нефритовый камешек, тренируясь частным образом. По предложению Вуна Шаэ повысила Теруна, послав его в Порт-Масси, где отсутствие зелени не подорвет его репутацию, а через два года Хами назначил его своим заместителем.

— Вы даже превзошли мои ожидания, — сказала Шаэ. — Терун великолепен.

Она подала знак секретарше, чтобы принесла чай. Ее нервы были еще напряжены, и она обрадовалась, что без нефрита Хами не Почует, как дрожит ее аура. Вун наверняка Чуял, но никогда не подал бы вида.

Что в Хами совершенно не изменилось, так это его прямота.

— Проблема в том, что нефрит в Эспении по-прежнему вне закона. Эту проблему Теруну разрешить не под

силу, как бы он ни старался и каким бы умным ни был. Пока дело обстоит подобным образом, наш бизнес там под угрозой и может утянуть клан на дно.

Вун сидел между ними, справа от Шаэ.

— Наш бизнес в Эспении никак не связан с операциями с нефритом, которыми занимается Штырь клана, и мы приняли меры предосторожности, чтобы разделить их юридически.

— Все эти дополнительные усилия дорого обходятся клану, — указал Хами. — Я нанял нескольких Барышников из Жанлуна для работы в Порт-Масси, но некоторые отвергли предложение, потому что их родные, Зеленые кости, не пожелали расставаться с нефритом ради переезда в Эспению. И проблема касается не только офиса Шелеста. Многие кеконские компании, которые платят нам дань, хотели бы расширить бизнес за рубежом, но персоналу слишком сложно путешествовать туда-сюда, ведь каждой Зеленой кости нужно получать визу и заполнять кучу бумаг на нефрит, и даже в этом случае им не разрешается находиться в Эспении больше двадцати дней в году.

Шаэ вздохнула. Она понимала, что это серьезная проблема.

— Мы наняли новых юристов, чтобы они занялись этим, и ищем пути, как ускорить процесс.

— И многие ли из студентов, которые уехали учиться в Эспению за счет клана, Зеленые кости? — напирал Хами. — Думаю, что нет. Какая семья захочет отправить сына или дочь в Академию Коула Душурона на восемь лет, овладевать нефритовыми дисциплинами, чтобы потом они уехали туда, где носить нефрит — преступление? А мы ведь хотим спонсировать именно Зеленых костей. Только они по-настоящему преданны клану и, вернувшись с иностранным образованием, будут приносить нам пользу. — Хами громко вздохнул. — Этот бессмысленный и невежественный эспенский закон создает слишком много затруднений для нашего бизнеса.

Шаэ обняла ладонями теплую чашку, которую поставила перед ней секретарша.

Она была расстроена, хотя и не удивлена словами Хами. Однако бывший Главный Барышник еще не закончил.

— Все может усложниться еще сильнее, Коул-цзен, — сказал он, громко отхлебнув кофе из своей кружки. — Ходят слухи, что закон снова изменят и на эспенские компании, ведущие дела с теми, кого эспенское правительство называет «криминальными организациями», наложат огромные штрафы. Раз гражданским запрещено владеть нефритом, а кланы Зеленых костей обладают и распределяют нефрит, Равнинных могут объявить «криминальной организацией», что не только помешает другим компаниям иметь с нами дело, но и, в худшем варианте, нам вообще запретят заниматься бизнесом в Эспении.

Вун недоверчиво вскинул голову:

— Эспенское правительство само покупает нефрит на Кеконе для своей армии. Если нас объявят преступниками из-за тысячелетних традиций, то не будет ли тогда их собственное правительство действовать противозаконно?

Хами поднял руки.

— Это же Эспения, — заявил он. — Эти лицемеры творят что хотят. Для них деньги и хитроумные законы — как для нас нефритовые дисциплины, что-то вроде боевого искусства. Когда я там жил, то слышал историю об одном эспенском землевладельце. Сотни лет назад он объявил всех, кто брал воду из реки, преступниками и повесил всех самых уважаемых людей города. Может, это всего лишь легенда, но я в нее верю.

В дверь Шаэ постучали. Секретарша Вуна приоткрыла дверь и сунула внутрь голову, с извинениями кланяясь.

— Прошу прощения, что прерываю, Вун-цзен, но звонит ваша жена. Я сказала ей, что вы на совещании с Шелестом, но она настаивала на разговоре.

Лицо Вуна напряглось от смущения и нехарактерного для него раздражения.

— Если не произошло никакой катастрофы, скажите ей, что я перезвоню. — Когда секретарша разочарованно попятилась и закрыла дверь, Вун обратился к Шаэ и Хами: — Прошу прощения.

— Нет нужды извиняться, — встревоженно посмотрела на помощника Шаэ.

Отразившееся на краткий миг волнение исчезло с лица Вуна, он снова стал прежним, но Шаэ так хорошо

знала его нефритовую ауру, что Почуяла слабый статический гул беспокойства.

— В любом случае мы уже заканчиваем, — сказала она, поворачиваясь к Хами. — Вы правильно сделали, что рассказали об этом. Согласна, это серьезная проблема, которой нам стоит заняться в будущем, хотя на сегодняшний день она нам не по зубам. А пока что, как вам кажется, у вас есть все необходимое для возвращения в Жанлун и работы на новой должности, Хами-цзен? — Она по привычке добавила уважительный суффикс «цзен», как для Зеленой кости, хотя он больше и не носил нефрит. Осознав свою ошибку, Шаэ немного неловко добавила: — Конечно, вам решать, надевать ли нефрит снова.

Она как никто другой понимала, что это личный выбор, который может оказаться труднее, чем представляют люди.

Хами задумчиво сморщил губы.

— Думаю, я его надену, хотя и не сразу. Мне нужно время, чтобы разобраться с семейными делами и вернуться к обычной рутине, прежде чем я снова буду готов носить нефрит. — Семья Хами переехала в новый дом, а его старшему сыну в следующем месяце предстояло поступить в Академию Коула Душурона в качестве первокурсника. — К тому же мне предстоит регулярно ездить в Порт-Масси, и, чтобы избежать бюрократической волокиты, о которой мы говорили, чем меньше на мне будет зелени, тем лучше с чисто практической точки зрения.

Начиная с сегодняшнего дня, Хами стал Облаком, заняв должность, которую только что создала Шаэ. Ее бывшие однокурсники по бизнес-школе в Белфорте назвали бы его руководителем внешнеэкономического отдела. Хами и его новые подчиненные будут налаживать связи и координацию между офисом в Жанлуэне и отделением клана в Порт-Масси, а также искать дополнительные возможности для расширения бизнеса за рубежом, что сейчас казалось Шаэ даже более важным.

— Вы были правы, Коул-цзен, — признался Хами. — Вдалеке от дома привыкаешь жить без нефрита, а когда приезжаешь обратно, возникает странное чувство. В каком-то смысле проще обходиться без нефрита. Как только я снова его надену, то стану другим человеком. — Он

фыркнул и самоуничижительно хлопнул себя по заметно округлившемуся животу. — После стольких лет без зелени придется несколько месяцев приходить в форму и возвращать нефритовые способности.

— Вы в любом случае бесценны для клана, Хами-цзен, — сказала Шаэ, на сей раз намеренно присоединив суффикс. — Я рада, что вы вернулись.

— Я тебе еще нужен, Шаэ-цзен? — спросил Вун, когда ушел Хами. — Если нет, я займусь активами Фуиня, как мы договаривались.

— Только не забудь сначала позвонить жене, — напомнила Шаэ, когда он встал, однако шуточный комментарий не вызвал даже намека на улыбку. — Папи-цзен... — обеспокоенно спросила она, — все в порядке? На этой неделе ты сам не свой.

Шаэ не хотелось затрагивать эту тему, но Тень Шелеста выглядел утомленным, а его обычно чисто выбритый подбородок потемнел от щетины.

Вун поморщился и задумчиво потер щеку ладонью. Его аура пошла рябью недовольства.

— Прости, Шаэ-цзен. Знаю, я был немного рассеян в последнее время. Постараюсь исправиться.

— Я не собиралась тебя критиковать, — быстро ответила Шаэ. Если Вун в чем-то и ошибся, она этого не заметила, а она работала с ним уже больше шести лет. — Я спрашиваю лишь как друг. Если ты не хочешь об этом говорить, ничего страшного.

Она внезапно забеспокоилась, что говорит слишком неуклюже — слова звучали недостаточно участливо, как будто она извиняется.

Вун поколебался, но затем тихо признал:

— У Кийи был очередной выкидыш. — Он отвел глаза, словно стыдясь того, что поделился личной бедой. — Для нее это очень тяжело. Для нас обоих.

Шаэ безуспешно пыталась подобрать нужные слова.

— Сочувствую, Папи-цзен. Я могу чем-то помочь? Может, тебе нужен отпуск?

Глава ее администрации покачал головой:

— Мы уже через это проходили, и я знаю — что бы я ни сказал или ни сделал, она не почувствует себя лучше. А на работе я могу принести пользу тебе и клану. Просто

Кийя звонит мне в офис по несколько раз в день, иногда она очень злится. Она не понимает, что... — Он поморщился и осекся.

Шаэ сжала в руках пустую чашку, а затем поставила ее, пока не успела ненароком сломать. Вун без устали трудился ради нее. Она полагалась на него больше, чем на кого бы то ни было, он не только претворял в жизнь ее планы, но и давал советы, а порой и оспаривал решения. Она понимала, как тяжело жене Вуна: она видит его совсем редко и получает гораздо меньше внимания, чем заслуживает, потому что ее муж постоянно находится рядом с другой женщиной, пусть эта женщина и Шелест клана.

Шаэ так хотелось сказать что-нибудь искреннее и ободряющее, но ей неловко было говорить о Кийе. Она подозревала, что жена Вуна ее недолюбливает. Шаэ сжала руку Вуна, надеясь, что он воспримет это как жест понимания.

Рука Вуна под ее ладонью напряглась. Он снова опустился на стул, подался вперед, положив локти на колени, и пару секунд изучал пол, а потом неохотно встретился с Шаэ взглядом. Когда Вун был чем-то озабочен или погружался в размышления, справа на его лбу появлялась морщинка, которую Шаэ часто хотелось разгладить пальцем.

— Шаэ-цзен... Эта работа... не очень подходит для семейной жизни. Шелест всегда думает о клане и всегда стоит на первом месте для его Тени. — Его крепкая нефритовая аура безрадостно дрогнула. — Мне не хотелось об этом говорить вот так, но, если откладывать разговор, легче не станет. Думаю, мне пора подыскать себе другую работу.

Шаэ заставила себя кивнуть:

— Конечно, понимаю. — Слова казались деревянными. Она не сумела притвориться, что рада просьбе Вуна. — Я не поняла, что тебе нужны перемены, прости меня. Ты попросил об этом несколько лет назад, а в результате проработал куда дольше, чем я имела право просить.

Вун покраснел:

— Это было... при других обстоятельствах. И дело не в том, что я хотел бы уйти, Шаэ-цзен. Просто так лучше для моего брака. Если бы я думал только о себе, об этом и речи бы не шло.

Шаэ с трудом заставила себя ободряюще улыбнуться. — Давай вместе подумаем, какая роль для тебя подойдет, Папи-цзен. Что бы ты ни выбрал, я тебя поддержу. Надеюсь только, что ты можешь потерпеть еще немножко, пока мы не найдем человека тебе на замену на посту Тени Шелеста.

— Конечно, до этого я не уйду. — Получив от Шаэ согласие, Вун с облегчением расслабился, хотя в его взгляде осталась тревога. — Спасибо за понимание, Шаэ-цзен.

Он снова встал и помедлил, как будто хотел добавить что-то еще. Но потом лишь изнуренно улыбнулся и вышел из кабинета, предоставив Шаэ слушать гул из соседних кабинетов и коридоров и гадать, как такое возможно — находиться в окружении сотен человек и чувствовать себя настолько одинокой.

Глава 4

Заграничная поездка помощника Колосса

МАИКУ ТАРУ НРАВИЛОСЬ, КОГДА дела не оставляют ему свободного времени, даже если это значило, что придется пересечь полмира и оказаться на борту лодки в заливе Виттинг, в разгар эспенской зимы. Но выполнение конкретной задачи — достать фальшивый паспорт и другие документы, собрать информацию, переговорить с нужными людьми, спланировать операцию, найти лодку и оборудование — не позволяло ему слишком много пить и падать духом. А в самом конце подготовки его ждал прилив адреналина в предвкушении и резкий всплеск жестокого удовольствия. Хило-цзен доверял ему больше, чем кому бы то ни было, и поручал трудные и кровавые задания, которые никто другой не сумел бы выполнить так безжалостно, эффективно и скрытно. Эта мысль скрашивала даже самые мрачные минуты Тара.

Тару сказали, что в оживленные летние месяцы гавань Порт-Масси кишит туристическими лодками и частными яхтами, которые ходят вверх и вниз по реке Камрес, но

поздним зимним вечером поблизости не было ни одного другого судна. Тар потопал ногами и подышал на сложенные ладони, проклиная идиотский холод, а потом взглянул на смутные очертания пирса, проступающие вдаль. Когда берег уже почти скрылся из вида, Тар крикнул находящемуся в рубке Сэмми:

— Уже достаточно далеко. Глуши мотор!

Моторка мягко качнулась в темноте. Пригнув голову и держась за поручень, Тар спустился вниз. Каюту освещали два оранжевых потолочных фонаря, пол был застелен черным полиэтиленом и тряпками. В центре стоял алюминиевый стул, а к нему был привязан человек. Когда Тар впервые увидел Уиллума Римса по прозвищу Тощий, тот носил угольно-серый костюм и фетровую шляпу с полями и сидел рядом с Боссом Кромнером в особняке Торика. Теперь на нем не было рубашки, и тонкие темные волосы на груди приподнимались от мурашек, на физиономии чернели синяки, а во рту торчал кляп. Обувь и носки с него сняли, и от холода он поджал пальцы ног.

— Как тут дела? — поинтересовался Тар.

У большого металлического таза стоял на коленях Кино, маленькой лопаткой помешивая быстросохнущий цемент. Он плюхнулся на задницу и вытер лоб рукой в перчатке.

— На такой холодрыге застывает куда дольше, — сказал он.

— В кладовке есть обогреватель. Можно его включить.

Тар сам достал обогреватель и включил. Ночь прошла бы скорее, будь в его распоряжении больше рук, но он взял с собой только Сэмми и Кино. Чем меньше людей, тем лучше, он не мог доверять эспенским Зеленым костюмам так же безоговорочно, как своим людям в Жанлуне. Он предпочел бы взять с собой Доуна и Тийна, но оказалось не так-то просто сварганить один комплект фальшивых документов, к тому же ради минимизации рисков и сохранения хороших отношений с Дауком Лосуньином, местным Колоссом, Коулу Хило не хотелось, чтобы выглядело так, будто Равнинные пытаются командовать и в Порт-Масси.

Римс оглядел каюту с холодной яростью, не выказывая ни малейшего удивления.

— Кеконские гниды.

Тар встал перед ним и смерил презрительным взглядом.

— Ты знаешь, почему тут очутился? — спросил он по-эспенски.

Тар плохо говорил на этом языке, но уже не впервые приезжал в Эспению. Он сопровождал Колосса в его первый визит сюда, больше трех лет назад. С тех пор он несколько раз возвращался как представитель Равнинных, чтобы обучить местных Зеленых костей и сделать кое-какую работу для клана. Он быстро схватывал. Да и много говорить не требовалось.

Тощий Римс раскрыл ладони. Его запястья были привязаны к подлокотникам кресла.

— Я собственноручно отправил в реку немало людей, — мрачно признал он. — Клянусь богом, многие скажут, что я и сам заслуживаю такого же конца. — Он с отвращением оглядел Тара. — Хотя не думал, что это сделаете вы, кеки. Вы беситесь из-за Рона Торо, но чтобы лично марать руки?

— Рон Торо — веская причина, это да, — ответил Тар.

Сэмми и Кино были друзьями и протезе Рона в кеконском землячестве в Эспении, они годами были свидетелями, как Бригады притесняют кеконцев квартала Южный капкан, и первыми прибыли на место убийства Рона. Вот почему сейчас они находились здесь, с одобрения Даука Лосуна, чтобы свершить правосудие. Но Римс не ошибся — как новый Босс Южной Бригады, он был слишком осторожен и имел слишком хорошую охрану, чтобы даже Зеленые кости могли застать его врасплох без помощи изнутри.

— Вы, спенни, все такие, даже друг другу не можете доверять.

Помешивающий цемент Кино повернулся и ткнул лопаткой в сторону пленника.

— Другие Боссы не будут горевать, когда ты исчезнешь, Тощий, — сказал он на беглом эспенском. — Малыш Джо Гассон и Слаттер давно вычислили, что именно ты помог засадить Кромнера в тюрьму, а когда полиция устроила облаву, ты подставил всех, убив Рона и чуть не убив двух кеконцев, твои бывшие коллеги сами готовы от тебя избавиться и заключить с нами мир.

— Говнюки ничего не видят дальше своего носа. Вот так выдать своего, когда это вас, мерзких кеков с вашими гнусными камнями, нужно стереть с лица земли. — Он плюнул на пол. Пальцы его ног побелели от холода. — Ну, давайте же, приступайте.

Тар покачал головой:

— Ты убил Рона Торо. И нажил врагов среди своих. Но это еще не все. Я здесь не поэтому. — Тар снял куртку и отбросил ее в сторону. Теперь в катере стало теплее. Тар закатал рукава и вытащил из скрытых ножен на поясе кривой нож. — Ты чуть не задушил мою сестру. Теперь она не может нормально ходить и разговаривать. Ты ведь не знаешь, кто она такая и кто я, верно? Но это неважно. Тебе нужно знать только одно — это личная месть Равнинного клана.

Тощий Римс всю сознательную жизнь провел в Бригаде, и все бандиты Порт-Масси считали его крепким орешком, но Тар Почуял набухающий в нем животный страх, когда взгляд Римса скользнул от изогнутого клинка к лицу Зеленой кости, на котором читалась печать безумия.

— Кино, поднимись на палубу к Сэмми, — велел Тар, перейдя на кеконский. — Я позову, когда ты понадобишься.

Молодой человек помедлил.

— Маик-цзен, — неуверенно произнес он, облизав пересохшие губы. — Даук Лосун сказал, что нужно действовать быстро и аккуратно, как всегда поступал Рон-цзен...

Тар резко повернул голову, и безумный блеск его расширенных зрачков и нож в руке убедили Кино беспрекословно повиноваться. Он положил лопатку, снял рукавицы и накинуд на металлический таз мокрую тряпку, чтобы цемент не застыл. Потом быстро поднялся по трапу на палубу, лишь один раз опасливо покосившись назад.

Тар снова повернулся к мужчине в кресле. Тот больше не был Уиллумом Римсом, а был лишь безумным врагом клана, состоящим из трясущейся головы и вздымающейся от тяжелого дыхания груди. У клана было множество врагов, и порой они сливались в голове Тара в одну неразличимую массу, ведь в конечном счете у них была одна общая и ужасная черта, так что какая разница, кто есть кто. Они не имели права калечить и убивать могу-

щественных Зеленых костей. Тех, кто стоит выше них, людей вроде Маика Кена. Но они перешли черту и могли повторить это снова. Они виновны в той внутренней дыре, которая образовалась в груди Тара, когда он узнал, что больше никогда не сможет поговорить с братом. И как только человек в кресле закричал, Тару показалось, что он слышит собственные крики, и в них утонули все остальные чувства.

Глава 5

Внешнее впечатление

шестой год, четвертый месяц

ВО ВРЕМЯ НОВОГОДНЕЙ НЕДЕЛИ расписание Коулов было забито праздничными мероприятиями, и самое важное из них — банкет и вечеринка для высшего эшелона Равнинных. Должно было присутствовать все руководство клана — старшие Кулаки и Барышники, самые значительные Фонарщики, связанные с кланом правительственные чиновники и публичные фигуры. Уже за несколько недель Вен составляла списки гостей, заказывала блюда, музыкантов, декор и организовывала охрану. Хило велел ей передать эту работу персоналу поместья и нанять дополнительных помощников, чтобы она не переутомлялась, но Вен была решительно настроена лично за всем присматривать. Вдруг что-то пойдет не так, а клан не мог позволить себе показать слабость.

Вечером накануне приема пришла ее невестка Лина, чтобы помочь ей одеться, уложить волосы и сделать макияж. После смерти Кена Лина переехала из поместья Коулов ближе к своей большой семье, а Цзуэн Нью переселился в дом Штыря, но Лина и Вен остались близкими подругами. Вен услышала нарастающий гул со двора — начали прибывать гости.

Выглянув в окно на верхнем этаже, она увидела разворачивающиеся на кругу дорогие машины, одну за другой, из которых выходили мужчины в костюмах и женщины в вечерних платьях.

— Прекрасно выглядишь в зеленом, — сказала Лина, застегивая пуговицы на платье Вен. Вероятно, она заметила напряжение в плечах и шее Вен и поджатые в тревожном ожидании губы.

В комнату вошел одетый в смокинг Хило.

— Ты уверена, что хочешь пойти? — спросил он.

В суматохе последних недель они почти не разговаривали. Вен часто уже спала, когда Хило приходил домой. А в другие вечера он ложился в постель, не тревожа ее, и вставал еще до того, как Вен просыпалась. Теперь он пристально рассматривал Вен, впервые за несколько месяцев. Выражение его лица смягчилось.

— В этом нет необходимости. Ничего страшного, если ты не пойдешь.

Вен слабо улыбнулась:

— Ты же знаешь... что это не так.

Порой Вен было трудно облечь мысли в слова или гладко и правильно их произнести, но она слушала новости и разговоры в клане. Предательство и публичная казнь Фонарщика и Зеленой кости были из ряда вон выходящими явлениями и вызвали много споров, а недавнее нападение на казино «Двойная ставка» привело к опасениям, что во время праздников враждебные к кланам экстремисты вновь причинят неприятности. В обоих случаях Равнинным пришлось уйти в оборону, оберегая самые главные активы. Для клана это была не лучшая позиция, ведь все боялись, что Кекон станет новой горячей точкой в глобальном конфликте между Эспенией и Югутаном. Тем временем Горный клан, казалось, греб деньги лопатой, а его члены были вполне довольны тем, что Айт Мада назначила наследником своего племянника-подростка. Враги Равнинных с размахом праздновали Новый год.

Вен подошла к Хило, и он подал ей руку. Вен оперлась на его руку, поддерживая равновесие. Рядом с мужем и без тупель на каблуках, которые она теперь не носила, Вен чувствовала себя коротышкой.

— Просто не... дай мне уп-пасть, — сказала она.

Сегодня важно было не ударить в грязь лицом. Семья Коулов должна показать свою сплоченность и силу. И как жене Колосса Вен следовало сыграть роль хозяйки. Ее отсутствие послужило бы доказательством ее слабости.

Хило ничего не ответил, только терпеливо шел рядом, пока они спускались по лестнице. Вен прислонилась более сильным левым боком к перилам и сперва наступала слабой правой ногой, шагжок за шагком.

— Сегодня... годовщина нашей свадьбы. Помнишь? — спросила она, остановившись, чтобы правильно выговорить слова.

Они поженились в канун Нового года, за день до того, как Хило, рискуя жизнью, отправился спасать клан.

— Конечно, — сказал он не без теплоты, но, услышав односложный ответ, Вен прикусила губу.

Ее муж редко бывал откровенно жесток, и длились такие моменты недолго — холодный взгляд, язвительная фраза, вспышка гнева в ответ на любое напоминание о ее бывлой нечестности, из-за которой она чуть не погибла. Каждая такая вспышка разъедала Вен душу, но куда хуже было то, что Хило явно от нее отдалился. Так долго гревшись в лучах его любви, в отсутствие его обожания Вен чувствовала себя как будто посреди лишенной жизни нескончаемой зимы.

Вен предполагала, что такое в конце концов случится: Хило узнает, как давно и как глубоко она погрузилась в дела клана, за спиной мужа и против его желания, воспользовавшись своим положением каменноглазой, чтобы с риском для жизни перевозить нефрит. Конечно, он разозлился бы, но Вен рассчитывала, что все объяснит, поговорит с Хило по душам, успокоит его, и он поймет, как понимал всегда.

Однако такая возможность не представилась. Когда ей больше всего нужно было поговорить с Хило, у нее едва получалось складывать слова, приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы хотя бы внятно произнести одну фразу. А Хило... Если бы только он разозлился, выплеснул свою обиду на ее предательство, его чувства сгорели и притупились бы. Но он был так потрясен тем, что Вен чуть не погибла и теперь нуждалась в заботе, что не мог себе этого позволить.

У подножия лестницы Вен остановилась, чтобы перевести дыхание и приготовиться. Хило положил руку ей на талию, и Вен передохнула, опершись на нее. А потом они вдвоем вышли во двор, чтобы встретиться с кланом.

Как только они оказались снаружи, последовала волна поднятых ко лбам рук в приветствии и возгласы: «Куул-цзен! Кровь за Колосса!» Вен сглотнула и с трудом изобразила приветливую улыбку, обращенную к морю лиц, важным людям из всех ветвей клана, которые впервые за полтора года увидели ее рядом с Колоссом. Она крепче сжала руку Хило, но потом одернула себя, чтобы не выглядело так, будто она цепляется за мужа, боясь потерять равновесие.

Хило поднял другую руку в ответном приветствии и громко обратился к собравшимся:

— Братья и сестры, сегодня я приказываю вам как Колосс не выпускать из рук самые лучшие блюда и прикончить бочонки с хоцзи!

Последовал смех, и какой-то Кулак, вероятно, уже приложившийся к выпивке, радостно выкрикнул:

— Я готов умереть за клан!

Вен мельком заметила, как Шаэ, одетая в строгое алое платье, которое очень ей шло, закатила глаза и сделала глоток вина из бокала.

Обычно они прошли бы по украшенному к празднику двору, здороваясь с гостями и принимая их поклоны, но сегодня Хило повел Вен к главному столу и помог сесть на стул. Он занял место рядом и остался там, пока группками подходили гости, чтобы с ним поговорить. Всем казалось, что он в хорошем настроении, внимателен и ухмыляется своей обычной кривобокой улыбкой.

Вен благодарила за пожелания, кивала и улыбалась, предпочитая поменьше говорить. Каждый раз, открывая рот, она боялась, что совершит ошибку. Она привыкла к почти идеальной памяти на имена и лица, которая помогала ей в любых ситуациях на публике, но сейчас и этого лишилась. Нужно просто через это пройти, твердила она себе.

Стоявшая в начале месяца холодная погода закончилась, но для начала весны все равно было необычно прохладно. Женщины накинули на голые плечи шали, а расставленные повсюду газовые фонари излучали тепло и отбрасывали мерцающие тени от установленных над столами красных тентов. Детей привела бабушка прямо перед тем, как подали ужин, — Нико и Рю оделись

в костюмчики с галстуками, а Цзая была в желтом платье и белых чулках, которые она уже умудрилась запачкать на коленках. Она выбежала впереди братьев и попыталась вскарабкаться Вен на колени, а оттуда на стол.

— Цзая-се, сядь как положено, — пожурела ее Вен, стараясь обуздать дочь, и вздохнула с облегчением, когда Лиана забрала малышку поиграть на качелях в саду вместе с ее маленьким двоюродным братом Цамом.

— Хорошо выглядите, госпожа Коул, — сказала жена Вуна, сядя рядом, пока ее муж разговаривал с группой старших Барышников. — Молю богов подарить вам в этом году здоровье.

— Спасибо... Кийя, — ответила Вен, обрадовавшись, что не забыла имя. Она произносила слова медленно, но четко. — Желаю... и вам того же.

На мгновение улыбка женщины дрогнула, но затем снова вернулась на место, и Кийя кивнула в сторону Хило, который гулял с Нико и Рю и с гордостью позволял гостям сюсюкать с ними и болтать. Он вручил мальчикам по пакетик с монетками-леденцами и велел раздать конфеты другим детям.

— У вас чудесные дети, — сказала Кийя с грустной улыбкой. — Вы можете гордиться будущим клана.

Вен задумалась, много ли Вун рассказывает жене о делах клана, знает ли она о финансовых затруднениях Равнинных.

— Будущее... клана, — напомнила она, показав на собравшихся гостей, — это нечто гораздо большее.

Любой, кто смотрел на сегодняшних многочисленных и хорошо одетых гостей, на столы, ломящиеся от изысканных блюд и хоцзи, на блеск сотен нефритовых ожерелий и браслетов, решил бы, что Равнинный клан непобедим. Так и было задумано. Искусство производить впечатление — как сделать из маленькой комнаты большую, а недостатки дома превратить в достоинства. Этим вечером благодаря ее усилиям Равнинный клан казался слишком богатым и могущественным, чтобы мог пасть. В реальности все было куда сложнее. Вен видела в газетах фотографии с намалеванным на стеклянных дверях «Двойной удачи» лозунгом. Хотя Вен знала, что никто не посмеет напасть на такое скопление Зеленых костей, тем

более во время праздника, она то и дело посматривала на охранников, несущих вахту у кирпичных стен и чугунных ворот поместья. Однако никто ничего не гарантировал — ни охранники, ни враги клана.

Подошла Шаэ, чтобы занять свое место во главе стола, а официанты начали выносить главное блюдо. Кийя резко встала.

— Пойду лучше заберу мужа, и займем свои места, — объявила она, настойчиво потянула Вуна Папи за руку и увела.

Цзуэн Нью и его жена сели рядом с Хило. Недавно вернувшийся из Эспении Тар пришел вместе со своей возлюбленной Йин Ро. Похоже, оба выпили несколько бокалов хоцзи еще до начала вечеринки и громко смеялись, повиснув друг на друге. Анден тихонько сел рядом с Вен, с облегчением вздохнул и улыбнулся ей:

— Я рад, что сижу рядом с тобой, Вен.

Вен тоже была рада сидеть рядом с Анденом. Только он один понимал, через что она прошла в ту ужасную ночь в Порт-Масси. Он признался, что порой тоже просыпается по ночам от кошмарного сна, в котором не может дышать. Вен была обязана Андену жизнью, но он был самым неприятельным молодым человеком из тех, кого она знала. Когда она запинаясь или искажала слова, он никогда не смотрел на нее с жалостью или нетерпением. И все напряжение, которое она испытывала при разговоре с другими гостями, исчезло, а стоило Вен расслабиться, как пропали и ее затруднения.

— Как дела в медицинской школе? — спросила она.

— Приходится много работать, — уныло поведал он, но больше жаловаться не стал.

Вен попыталась его приободрить:

— Я слышала, первый год самый трудный.

Анден кивнул:

— На первом курсе приходится изучать много нового, к тому же нужно научиться рассматривать нефритовые способности совсем с другой стороны. Надеюсь, в следующем году будет попроще. — Он заметил, что Вен размышляет, зачерпнуть ли половник супа, и сам налил в ее тарелку суп из морепродуктов. — Иногда я сомневаюсь, что оно того стоило, — признался он, — но если и здесь

у меня ничего не выйдет, от меня вообще не будет никакого прока.

— Не говори так, Анден, — сурово ответила Вен. — Вспомни, чего ты добился, даже когда жил без... без... нефрита в чужой стране. В детстве все уверяли тебя, что главное твое достоинство — нефритовые способности, хотя на самом деле все дело в том, какой ты. Твои брат и сестра тоже это понимают, даже если завтра ты бросишь медицинскую школу.

Она так старалась донести свою мысль, что даже не заметила, как произнесла несколько предложений почти без запинки.

Анден вспыхнул и стал усердно макать лежащую на тарелке креветку в лужицу чесночного соуса.

— Спасибо за эти слова, — ответил он через мгновение. — Надеюсь, что так и есть.

— Конечно, так и есть.

Вен понимала, почему Анден сегодня так не уверен в себе. Его место во главе стола подтвердило всем присутствующим, что Колосс вернул изгнанного кузена в семью, но главные воины и богатейшие бизнесмены клана все равно смотрели на него с жалостью и скептицизмом. Видимо, как и на нее, решила Вен. «Столько невезения в самой верхушке клана», — наверняка перешептываются они.

Как ни в чем не бывало Хило отдавал распоряжения, и казалось, что еда приносят быстрее, чем ее успевают поглощать. Столы были уставлены блюдами с жареными поросятами, рыбой в имбирном бульоне, побегими горошка с чесноком и жареным осьминогом. Прошедший год с кипучей энергией провожала группа барабанщиков, специально нанятых по этому поводу, а Кулаки, сидящие за двумя соседними столами, затеяли полупьяную игру-состязание. Нико, Рю и Цзяя подошли к родителям, чтобы обнять их и пожелать спокойной ночи, прежде чем мать Хило увела их в дом и уложила. Перед глазами Вен все слегка расплывалось, туман усталости проникал в каждую мышцу и в каждую мысль.

Она заметила, что Цзуэн и его жена уже некоторое время назад вышли из-за стола, а сейчас Штырь вновь появился, встал за спиной Вен и наклонился, чтобы поговорить с Хило.

— Коул-цзен. Моя жена пошла укладывать детей спать, но тут же вернулась, чтобы передать новости, которые услышала по радио. — Он говорил Колоссу на ухо, но вынужден был повысить голос, чтобы перекричать треск фейерверков, и потому Вен прекрасно его слышала. — Два часа назад эспенский истребитель сбил югутанский разведывательный самолет. Тот упал неподалеку от военно-морской базы. Пилот выжил и успешно приземлился, но покончил с собой, прежде чем его захватили в плен. Югутанское и эспенское правительства бросаются обвинениями по поводу этого инцидента, угрожая начать войну в Амарическом океане.

Пока Цзуэн говорил, выражение лица Хило не сильно изменилось, но Вен заметила, как через несколько секунд вместо веселого блеска его глаза стали излучать злость и потрясение, как будто огонек сменился с красного на оранжевый, а потом на синий.

— Только этого не хватало, — пробормотал он сквозь зубы.

— Завтра Королевский совет собирается на чрезвычайную сессию. — Цзуэн оглядел царящее вокруг веселье. Барабаны начали отбивать секунды до полуночи, официанты открыли еще один бочонок с хоцзи. Даже Шаэ, похоже, от души наслаждалась праздником. — Сообщить нашим людям? — спросил Штырь.

На скулах Хило вздулись желваки.

— Нет, — сказал он. — Они и так очень скоро узнают. Пусть все встретят Новый год в хорошем настроении. — А потом мрачно процедил: — Возможно, это наш единственный шанс попросить у богов удачи, а она нам понадобится.

— Тогда я по-тихому переговорю только со старшими Кулаками, — предложил Цзуэн. — Чтобы они поддерживали порядок на нашей территории, если народ начнет паниковать, опасаясь вторжения.

Штырь ушел, и Вен потянулась к руке мужа. Она собиралась сказать: «Ты должен сегодня же поговорить и с Шаэ. Офису Шелеста следует выстроить общую линию поведения вместе с нашими сторонниками в Королевском совете, прежде чем кто-либо сделает заявление». Но вместо этого она сбила локтем полную чашку с чаем, расплескав его на колени. Когда она открыла рот, то не вы-

давила ни звука, словно слова затолкали обратно в грудь. Вен лишь беспомощно посмотрела на мужа.

Хило промокнул салфеткой чай, уже впитавшийся в их одежду.

— Ты устала.

Он встал и помог Вен подняться. Она оперлась на мужа, и они вместе вернулись в дом. Никто не обратил на них внимания. Почти все гости переместились на лужайку в ожидании городского праздничного салюта. Хило помог Вен подняться по лестнице и лечь в постель. Расстегивая ее изысканное платье и накрывая Вен одеялом, он был нежен, но в его жестах не чувствовалось ни страсти, ни желания.

Глаза Вен защищало от жалости к самой себе и унижения. Она вспомнила, как несколько лет назад, когда они были так молоды, она целый день лихорадочно предвкушала встречу с Хило. И вот он появлялся, молодой Кулак, которого распирало от гордости за полученный в заварушке или дуэли новенький нефрит. Вен позволяла ему похвастаться победами, пока раздевала его, прикасаясь губами к новым камням на теле. А потом они предавались безумию секса, снова и снова. Насколько восхитительной была эротическая власть, которой обладала Вен.

А теперь Хило даже не пытался скрыть, что время от времени прибегает к услугам проституток, хотя и не говорил об этом в открытую. Вен чуяла запах духов от его одежды и находила в его карманах спичечные коробки и мятные пастилки из мужского клуба «Божественная сирень». Вен могла смириться с тем, что Хило платит за удовлетворение своих потребностей, пока она поправляется, но ей было слишком больно осознавать, что они утратили способность находить утешение друг в друге. В те редкие минуты, когда они занимались любовью, Хило был не похож на себя и либо обращался с ней слишком бережно, словно боясь навредить, либо быстро делал свое дело, как с дешевой шлюхой.

Хило погасил лампу на ночном столике и сел на краешек кровати, уставившись в окно на контуры ночного города. Над крышами Зала мудрости и ярусами конической башни Триумфального дворца взрывались первые фейерверки. Вспышки света на краткий миг подсветили

темный профиль Хило, придав резкость чертам, этот облик был совсем не похож на лицо, в которое Вен когда-то влюбилась. Снаружи загрохотали барабаны, и гости радостно взревели, приветствуя наступление Нового года.

Когда Вен было шестнадцать, она заточила кухонный нож и порезала шины на велосипеде брата. Она так и не призналась Кену, который избил за это соседского мальчишку. После этого Коул Хило каждый день приезжал к ним домой, чтобы забрать Кена и Тара, когда они втроем отправлялись прошвырнуться по городу — троица молодых Кулаков, только что из Академии, жаждущих завоевать нефрит и репутацию. Каждый день Вен подходила к «Княгине» попрощаться с братьями и поприветствовать их по возвращении. Однажды Хило засмеялся, увидев, как она ждет под дождем. Он назвал ее самой доброй и преданной сестрой на свете, сказав, что его собственная сестра ни за что этого не сделала бы.

К своей досаде, Вен пришлось признать, что в то время она была по уши влюбленным подростком, но ее усилия хотя бы не прошли даром. Судьбу может изменить такая мелочь, как испорченный велосипед, а каменноглазая может склонить чашу весов в клановой войне. Сейчас Вен пыталась найти ту единственную фразу, которая снова привлечет к ней Хило, как в те времена, когда он опускал окно машины и с ухмылкой наклонялся над сиденьем. Но она слишком устала для этого.

— Я должен вернуться, — сказал Хило.

Вен повернулась на бок. Она почувствовала, как матрас спружинил, когда Хило поднялся, а потом отблеск от салюта на миг залил светом уже пустую комнату.

Глава 6

Перемена ветра

ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ДНЕЙ СОСТОЯЛОСЬ специальное собрание акционеров Кеконского нефритового альянса. После взаимных политических оскорблений и военных угроз с обеих сторон дипломатический кризис между Эспенией и Югутаном все-таки не вылился в открытую

войну, но по Жанлуну и другим кеконским городам пронеслась волна паники, народ сметал продукты и предметы первой необходимости, вместо того чтобы праздновать и веселиться. Кланы Зеленых костей вышли на улицы, чтобы предотвратить преступления и мародерство в своих кварталах, но тревоги быстро улеглись. Впервые после мировой войны кеконский народ столкнулся с угрозой вторжения. Даже лидеры кланов, ненавидящие друг друга, поняли, что им необходимо встретиться.

Рано утром Шаэ пришла в главный особняк поместья. Дети смотрели мультфильмы, а Кьянла убиралась после завтрака.

— Тетя Шаэ, мы смотрим «Воины-укротители», — сообщил Рю и потащил ее за собой на диван.

Показывали анимационный сериал про Зеленых костей, стражей короля из вымышленной династии эпохи Трех царств, которые не только обладали супермощными нефритовыми способностями, но и скакали в сражение на огромных волшебных животных. На ковре перед телевизором были разбросаны фигурки персонажей сериала.

По призыву племянника Шаэ села на диван.

— Где твой папа?

Рю пожал плечами, а Нико ответил, внезапно забеспокоившись:

— Думаешь, он хочет развестись с мамой?

Вопрос шестилетнего мальчика, возникший, казалось бы, на пустом месте, застал Шаэ врасплох, но прежде, чем она успела придумать ответ, Рю прыгнул на брата и начал колотить его по плечам и животу:

— Не говори так! Они не разводятся, тупая ты псина!

Хихикая от любопытства, Цзя тоже засеменила к ним.

Нико нетерпеливо отодвинул брата, но не дал сдачи, и Шаэ развела их по разные стороны дивана.

— Рю, нельзя называть брата псиной, — побранила она мальчика.

У подножия лестницы появился Хило и, быстро оглядев сцену, сказал:

— Выключите телевизор, вам пора в школу.

Он шагнул к двери. Шаэ последовала за ним.

Водитель повез их в «Княгине» в центр города. Хило закурил сигарету и опустил стекло у заднего сиденья.

Шаэ пришлось нарушить тягостное молчание, которое устанавливалось всякий раз, когда она оставалась наедине с братом.

— Мальчики волнуются насчет вас с Вен.

— Нико вечно беспокоится, — ответил Хило. — В жизни не встречал такого ребенка.

— Потому что ему не все равно, — сказала Шаэ. Мальчик часто казался рассеянным, погруженным в себя, но когда что-то произносил, становилось ясно, что он слышит много разговоров взрослых. — Он знает, что сейчас ты относишься к Вен по-другому.

— Нормально я к ней отношусь, — огрызнулся Хило. — Я всегда о ней заботился.

Шаэ хотелось влить брату пощечину. Шаэ и Хило причинили друг другу немало боли, и Шаэ умела отражать вспышки его гнева, однако жена брата — совсем другое дело. Вен была самой решительной и сильной женщиной на свете, но нуждалась в любви Хило, как в кислороде.

— Если хочешь обвинить во всем меня — давай. Но разве Вен еще недостаточно наказана? Все, что она сделала, было ради тебя и клана. Неужели ты хотя бы не можешь сказать ей, что это понимаешь?

Хило фыркнул и яростно затушил сигарету в пепельнице.

— Не тебе давать советы насчет семейных отношений, Шаэ. Я скорее начну учиться летать у черепахи. Что насчет тебя и Вуна, а?

Внезапная перемена темы застала Шаэ врасплох, как резкий удар саблей в дуэли.

— Что насчет меня и Вуна? — повторила она, внутренне съезжившись, как будто пыталась защититься. — Мы просто коллеги и друзья.

Хило жестоко рассмеялся.

— Ты думаешь, только я не произношу очевидного? Вун умен в других делах, но не понимаю, зачем он так мучается, работая с тобой. Ты должна была давно сказать ему, что на самом деле чувствуешь, или уволить.

Шаэ почувствовала, как пылают щеки. Она и забыла, что сама начала этот разговор о Вен.

— Не все разбрасываются своими чувствами, как шрапнелью, Хило! — воскликнула она. — Мы с Вуном

профессионалы, а кроме того, на следующей неделе он займет другую должность.

— И почему, по-твоему, он об этом попросил? — сказал Хило. Но прежде чем Шаэ успела ответить, «Княгиня» затормозила у места назначения. — Ладно, забудь. Просто постарайся не растрепать Айт Маде и всем другим Колоссам, в каком болоте мы оказались.

Хило распахнул дверцу и вылез из машины, а Шаэ осталось только кипеть от злости из-за того, что последнее слово оказалось за ним. Она с усилием выдохнула и двинулась следом за братом.

Штаб-квартира Кеконского нефритового альянса находилась в трехэтажном офисном здании в Финансовом квартале, отсюда было рукой подать до офиса клана на Корабельной улице на востоке и храма Божественного возвращения в двух кварталах к западу.

Тяжелые контуры бетонного здания были воплощением правительственной бюрократии и постоянно напоминали Шаэ, что при всем культурном, экономическом и духовном значении нефрита для его производства и продажи требовались усилия многих тысяч человек, которые день за днем трудились в тесных офисах. У поста охраны они с Хило отдали боевые ножи двум Зеленым костям в кепках и кушаках клана Щит Хаэдо. Потом в молчании поднялись на лифте на верхний этаж. Шаэ Почуяла, как аура брата низким рокотом гудит от недовольства. Он и в лучшие времена терпеть не мог заседания КНА.

Когда они вошли в зал заседаний, там уже находилась Айт Мада. Она разговаривала с Колоссом клана Единство шести рук, главного союзника Горных. Айт даже не подняла головы, чтобы взглянуть на своих давних врагов, но ее плотная красная аура тут же вспыхнула, стоило Шаэ и Хило занять места. За массивным круглым столом стояли таблички с именами представителей пятнадцати кланов Зеленых костей, входящих в Кеконский нефритовый альянс.

Рассадка предполагала, что все кланы Зеленых костей в этой комнате равны, все разделяют ответственность за производство и поставки нефрита в стране. Тем не менее Горные и Равнинные, крупнейшие кланы страны, сидели точно друг напротив друга, а представители кланов по-

меньше — ближе или дальше от них по каждой стороне, в зависимости от того, чьи они союзники. Создатель этой комнаты оптимистично пытался внушить собравшимся, что они сотрудничают на равных, но недооценил склонность кеконцев на каждом шагу подчеркивать свой статус и принадлежность к клану, мрачно подумала Шаэ. У стен молча стояли четверо монахов-дейтистов в традиционных зеленых рясах, олицетворяя связь с Небесами и обеспечивая должное поведение представителей кланов даже в самых конфликтных ситуациях.

Хило сел и кивнул в ответ на приветствия лидеров кланов-союзников — Каменного кубка и клана Цзо Сан. Шаэ опустила на стул рядом и старательно занялась бумагами, хотя в этом и не было необходимости, однако ее взгляд все равно невольно притягивала Айт Мада, лишившаяся части левого уха. У Шаэ на животе начал зудеть старый шрам. Колосс Горных посмотрела на Шаэ. На одну леденящую секунду их взгляды скрестились. А потом Айт Мада снова вернулась к своему разговору.

Обычно слева от Айт сидел Иве Калундо, Шелест Горного клана, но сегодня его место занимал широкоплечий мужчина с густыми волосами с проседью и румяным лицом. Он носил нефритовый браслет на левой руке и гвоздик в правом ухе, его обширная нефритовая аура была густой и вязкой. Шаэ он показался смутно знакомым. Кто же он? Почему пришел вместо Иве? Если Айт заменила Шелеста, Шаэ знала бы об этом.

— Он из Кобенов, — вполголоса пояснил Хило, явно заметив ее смятение. — Дядя ее племянника со стороны матери.

То есть дядя Кобена Ато, четырнадцатилетнего подопечного и предполагаемого наследника Айт Мады. Недавно мальчик поменял имя на Айт Ато, и его семья, несомненно, решила закрепить успех. Теперь Шаэ припомнила, что недавно читала в журнале статью о семье Кобенов, но удивилась, что Хило узнал одного из них. Потом ее осенило: ведь несколько лет назад Хило приказал убить одного из Кобенов, чтобы посеять подозрения и вражду внутри Горных, и, конечно, он изучал эту семью.

Значит ли присутствие Кобена, что Айт еще больше сблизилась с племянником и его родней?

Возможно, после того как ее столько лет терзали вопросами о преемнике, она решила показать широкой публике, что и в самом деле задумывается о будущем клана.

Хило и Шаэ прибыли последними. Через несколько минут все расселись, тяжелые двери закрыли. Панорамные окна, занимавшие всю стену, выходили на юг, из них лился поток света, но воздух был вязким из-за нефритовой энергии. КНА проводил заседания раз в квартал, но большинство Колоссов посещали только ежегодные голосования, на которых определяли бюджет и квоты для производства, экспорта и распределения нефрита. Остальные вопросы решали Шелесты. Лидеры всех кланов собрались по первому требованию лишь при таких необычных обстоятельствах.

За столом сидели не только Зеленые кости. Хотя главными акционерами были кланы, Альянсом управляли государственные чиновники, и на собраниях всегда присутствовали директора от правительства со своими помощниками. Один из чиновников, исполнительный директор и председатель совета директоров КНА Цанто Пан встал.

— Спасибо, что все вы прервали праздничную неделю и пришли, — начал он. — Да осенят боги своей милостью все ваши кланы.

Это решительно невозможно, поскольку благоволение богов к Горным станет катастрофой для Равнинных и наоборот, подумала Шаэ, но попридержала язык.

— Как вы все уже знаете, Королевский совет выпустил заявление, которое поддержали все кланы Зеленых костей в стране, — сказал Цанто.

Кеконское правительство строго осудило Югутан за то, что тот направил самолеты-разведчики к острову Эуман, который, безусловно, является территорией Кекона, несмотря на длительное присутствие там иностранных военных. Правительство настаивало на том, что напряженность между двумя державами следует снизить дипломатическим путем, но заверяло, что любые попытки той или другой стороны вторгнуться или поставить Кекон под контроль немедленно натолкнутся на яростное сопротивление. «Хотя Кекон стремится к миру, мы остаемся нацией воинов, в отличие от всех остальных

государств, — заявил из Зала мудрости канцлер Гуим, сторонник Горного клана. — На протяжении нашей долгой и гордой истории мы пролили реки крови за свою независимость. И можем сделать это снова, если понадобится».

Эспенское правительство было недовольно резким тоном официального заявления, которое, по словам Хило, было не чем иным, как «многоречивым и разукрашенным способом сказать: «Нас тошнит от вас обоих».

— Мы поддерживаем слова канцлера, но паническая реакция народа, которую все мы наблюдали в последние дни, показывает, что нам следует сделать нечто большее, не ограничиваясь только словами. Так что я передаю слово генералу Рону Ясугону, главному военному советнику Королевского совета, пусть он говорит с вами напрямую.

Рону встал и прикоснулся сложенными ладонями ко лбу, приветствуя всех Зеленых костей. На рукаве его формы виднелись золотые генеральские лычки, а стальной ремешок часов был украшен нефритом. Шаэ уже встречалась с генералом и считала его достойным человеком с тяжелой работой, который давным-давно обменял свой статус в Горном клане на карьеру в маленькой и недооцененной кеконской армии.

— На этой неделе кеконскому народу пришлось столкнуться лицом к лицу с реальностью, на которую командование армии указывало годами. — Произнося эти слова, Рону замер как по стойке смирно. — Мы — маленькая страна, зажата между двумя тиграми. Несмотря на всю внешнюю уверенность канцлера Гуима в том, что мы способны противостоять внешней агрессии, на самом деле наши скромные силы обороны будут очень быстро и с легкостью сметены. Эспения и Югутан с каждым годом наращивают военные расходы, а мы продолжаем обращаться с армией как с чем-то не стоящим внимания. Вчера я стоял перед Королевским советом и убеждал его срочно провести закон о дополнительном финансировании, которое обеспечит необходимое обмундирование, обучение и людей, чтобы поскорее увеличить готовность войск.

— Мы все равно не угонимся за более крупными странами, — возразил Сангун Йен, пожилой, но пронизательный Колосс клана Цзо Сан. — Безопасность нашей стра-

ны всегда зависела от гражданского населения — тренированных нефритовых воинов, готовых взять в руки оружие и сражаться. Это дело Зеленых костей.

— Почти сто лет назад древние традиции пали под натиском превосходящих сил, и в результате страна на десятилетия оказалась оккупирована шотарцами, — напомнил Рону.

— В то время у нас был слабый и трусливый король и слишком много мелких, разобщенных кланов, — парировал Сангун. — Это был мрачный период нашей истории, и тем не менее мы изгнали захватчиков. Разве сегодня хоть одна страна, даже такая огромная и могущественная, как Югутан, рискнет вторгнуться на Кекон, как бы она ни бряцала оружием? У них и в Оортоко дела идут неважно, а там живут одни слабаки. Не стоит ударяться в панику из-за всей этой суматохи с самолетом-разведчиком.

Сын Сангуна, Шелест клана Цзо Сан, одобрительно закивал, как и еще несколько Зеленых костей. Шаэ читала, что многие политики и военные считают Кекон жизненно важным полигоном для эспенцев в Амарическом океане, а значит, он представляет собой логичную цель для вторжения Югутана, просто цена вторжения будет слишком высокой.

— Пусть кланы стали крупнее и сильнее, — сказал генерал Рону, — но и мир сильно изменился по сравнению с временами наших дедов. Теперь мы не единственное государство, имеющее в своем распоряжении нефритовых бойцов. Республика Эспения обеспечивает нефритом солдат своих элитных подразделений — тем самым нефритом, которым торгует КНА. А с черного рынка нефрит поступает в Югутан и к его союзникам. Сейчас разрабатывается улучшенная формула СН-1, и наркотик будет наносить меньший вред здоровью. Эспенцы называют его СН-2, и, несомненно, это вещество просочится и в остальной мир.

Шаэ заметила, что сидящий напротив мужчина из семьи Кобенов кивает так энергично, как будто хочет вскочить с места и выразить одобрение.

Нефритовая аура Рону ощерилась и загустела по краям. Он заговорил еще решительнее:

— Конфликт в Оортоко был первым из многих стычек между Эспенией и Югутаном с союзниками. Кекон не сумеет уклониться от участия в Вялотекущей войне. Но, в отличие от прошлых времен, нам стоит подготовиться к сражениям с солдатами, носящими нефрит, как и мы.

Мрачное пророчество генерала вызвало приглушенный шепот собравшихся за столом. Кеконцы безропотно получали прибыль от экспорта нефрита через КНА, но тем не менее им претила мысль, что нефрит будут носить представители других народов. Они привыкли считать, что стоят выше всех остальных, что иностранцам ради обладания нефритом приходится с риском для жизни принимать вызывающие привыкание препараты.

Рону понял, что задел их за живое. Он поднял руку и «закусил удила».

— Королевский совет может выделить дополнительное финансирование, но только кланы Зеленых костей способны снабдить нас нефритом и бойцами. Я прошу вас, как акционеров КНА и Колоссов, проявить щедрость к кеконской армии. Сейчас мы получаем менее четырех процентов от ежегодно добываемого нефрита. Увеличьте это количество до шести с половиной процентов, начиная с текущего года. И снимите давнее ограничение, позвольте выпускникам школ боевых искусств записываться в армию сразу после выпуска.

Приглушенный ропот голосов на сей раз сопровождался вспышками вздувшихся нефритовых аур. Это было смелое требование, доселе неслыханное. В этом случае крохотная кеконская армия по статусу приблизилась бы к кланам Зеленых костей.

— Шесть с половиной процентов всего нефрита — это больше, чем получают многие кланы, сидящие за этим столом. Больше, чем получают крупнейшие больницы и образовательные центры, — возмутился Колосс клана Каменная чаша. — У кого, по-вашему, мы должны забрать этот нефрит, чтобы отдать его армии?

— Меня больше беспокоит план по рекрутам, — вставил Дарн Сошу, Колосс клана Черный хвост. — Выпускники традиционно приносят клятву верности клану. Год или два в качестве Пальца — самый лучший путь для молодого человека.

Теперь многие закивали в знак согласия, хотя Шаэ понимала — спор идет не о традициях и не о пользе для молодежи. Клань всегда забирали всех талантливых нефритовых бойцов сразу после выпуска из школ, пополняя свои ряды, исключение делалось только для благородной профессии врачей, учителей и монашества.

Генерал Рону застыл, расправив плечи, с написанной на лице решимостью и явно приготовился возразить.

— К сожалению, эта традиция — часть проблемы, Дарн-цзен, — сказал он. — Рекруты из Зеленых костей поступают в армию с разным количеством нефрита — полученным при выпуске, в наследство от семей или завоеванным в клане. Они воспитаны в традициях клана и приносят их в свои подразделения. Считают, что могут носить нефрит как им вздумается и выиграть еще больше, бросая вызов товарищам. Их трудно обучить так, чтобы они ставили интересы армии выше клана, ценили товарищество выше, чем личную доблесть. Я говорю как человек, который когда-то и сам через это прошел. Честно говоря, после обучения в крупнейших кланах Зеленые кости великолепны в драках, но очень плохие солдаты. Когда двадцать лет назад я записался в армию, родственники и другие Зеленые кости смотрели на меня с неодобрением, — продолжил Рону. — Все твердили, что для Кулака среднего ранга это понижение. За два десятилетия такое отношение почти не изменилось. Прошу вас с этим покончить. Разрешив выпускникам школ боевых искусств записываться в армию до погружения в традиции кланов, вы покажете, что служить стране в военной форме не менее благородно и почетно, чем принести клятву клану.

Шаэ быстро записала в блокноте: «Нужно посчитать, во что это обойдется клану, и с боевой, и с финансовой стороны. Предлагаю отложить голосование до следующего квартального заседания».

Она подвинула блокнот к Хило. Тот взглянул на записку, но в это время заговорил Колосс клана Единство шести рук:

— Генерал Рону предлагает серьезно изменить наши традиции, нам нужно время, чтобы все как следует обдумать. Пусть лидеры каждого клана и его союзники обсудят предложения, и мы вернемся к этому вопросу где-нибудь через месяц.

Председатель совета директоров Цанто начал подниматься:

— Звучит разум...

— Сейчас самое подходящее время для того, чтобы действовать решительно и заверить народ в том, что мы едины, — на полуслове прервала его Айт Мада. Все повернули головы в ее сторону. — Я полностью согласна с генералом Рону, кеконской армии нужно выделить больше нефрита, больше людей и выказывать больше уважения.

До сих пор ни Айт Мада, ни Коул Хило не проронили ни слова. Мнение Колоссов двух крупнейших кланов главенствовало во всех решениях, принимаемых в этом зале. Обычно эксперты, чиновники и лидеры мелких кланов выступали первыми, если хотели как-то повлиять на Айт или Коула. Никого не удивило бы, если бы ни один из них так и не высказался на заседании. Никто не ожидал, что Айт Мадаши так быстро примет решение.

— Поскольку мой Шелест сейчас за пределами страны по важным делам клана и не смог сегодня присутствовать, я привела с собой Кобена Йиро, — сказала Айт Мада. — Кобен-цзен — успешный бизнесмен, владеющий несколькими радиостанциями, у него есть родственники в армии, так что он лучше, чем кто-либо из нас, разбирается в тревогах простых кеконцев и солдат в это непростое время.

С разрешения Колосса Кобен ринулся в разговор, словно выпущенный на волю скакун.

— Я польщен, что могу рассказать о своей точке зрения моему Колоссу и КНА, — произнес он низким и зычным голосом. — Кобены — большая семья среднего класса, в которой есть как Зеленые кости, так и обычные люди. Как трудолюбивые кеконцы и патриоты, мы заботимся о безопасности своих семей, имущества и культурных традиций. Случившееся в канун Нового года всколыхнуло ненависть к Югутану, но присутствие в стране эспенских военных затянулось слишком надолго, а им мы тоже не можем доверять. В конечном счете мы можем полагаться только на себя. — Распалившись, Кобен ткнул пальцем в воздух. — Вот почему люди ждут быстрых решительных действий от кланов Зеленых костей, которым они доверяют.

Айт слегка махнула рукой, успокаивая взбудораженного Кобена, который явно собирался продолжить речь, но осекся и тут же сел на место.

— Мы должны подать Королевскому совету пример решительных действий, — непререкаемым тоном объявила Айт. — Как Колосс Горного клана, я за то, чтобы увеличить поставки нефрита вооруженным силам, если он будет справедливо распределяться, и согласна с тем, что Зеленые кости имеют право выбрать службу в армии сразу после выпуска. — Она помолчала и добавила, как будто эта мысль только что пришла ей в голову: — Конечно, если согласятся другие Колоссы. Такие значительные коррективы мы можем внести только единодушно.

Никто ей не ответил. Даже генерал Рону, похоже, был потрясен безоговорочной и немедленной поддержкой Айт Мадаши. Теперь все повернулись к Хило, сидящему напротив соперницы. Шаэ быстро нацарапала на бумажке, лежащей между ними: «Тяни резину».

— Нет. — Ответ Хило обрушился на присутствующих, словно огромный булыжник в тихий ручей. — Я согласен дать Рону нефрит, который он попросил. Мы можем забрать нефрит у храмов. Сколько нефрита на самом деле нужно монахам для разговора с богами? А остальное возьмем из государственной казны. Но я не разрешу выпускникам Академии Коула Душурона приносить клятвы никому, кроме клана. Если хотите изменить порядки в школе Храм Ви Лон, дело ваше.

Айт Мада не пропустила удар.

— Коул-цзен, в такие времена мы должны действовать слаженно и без эгоизма, — сказала она хорошо поставленным тоном праведницы. — Было бы справедливо, если бы два клана, обладающие самым большим количеством нефрита и людей, отдали часть того, чем владеют.

— Армия — это рука, а кланы — хребет страны. — Хило прищурился, не сводя взгляда с другого конца стола. — И не у каждого клана есть лишние ресурсы, ведь не все снимают баруканов и получают барыши на черном рынке.

Густое покрывало нефритовых аур заметно подрагивало по мере того, как внимание всех собравшихся перемещалось с одного Колосса к другому.

— Беспочвенные обвинения не помешают вашим Фонарщикам мудрее выбирать сторону и не скроют, что вы лишаете страну того, в чем она так нуждается, Коул-цзен. — С написанным на лице сожалением Айт повернулась к генералу Рону, ее аура полыхнула жаром. — К сожалению, не все Колоссы способны поставить интересы страны на первое место, — обратилась она ко всем присутствующим. — Похоже, КНА не поддержит ваши похвальные усилия по реформе армии, генерал. Если только Равнинные не передумают.

Теперь Шаэ поняла, почему Айт так быстро и без колебаний согласилась на просьбу Рону. Горные могли позволить себе лишиться нескольких Пальцев в пользу армии. Равнинные — нет. Любая потеря бойцов означала, что клан не сможет защитить собственность от преступников и подстрекателей, не сумеет удержать границы территории против Горных, которые в последнее время увеличили численность. Равнинные уже отставали в финансовом плане, и любая потеря доверия со стороны Фонарщиков приведет к краху.

Айт знала, что Равнинные наложат вето на предложение Рону, так что оно в любом случае не прошло бы. Она воспользовалась возможностью показать себя и Кобенов как лидеров, которые во главу угла ставят интересы Кекона, и в очередной раз выставила Равнинных как эгоистичный и лишенный патриотизма клан. Старый и надежный способ нанести удар, от которого она не собиралась отказываться.

Шаэ опустила руку под стол и с хрустом разломала ручку на мелкие пластиковые кусочки.

Ее выводили из себя изощренные ловушки Айт и возмущало поведение Хило. Тот замечал опасность быстрее, чем она, как случилось в «Двойной удаче» с Фуинем Каном, но сдержанность и дипломатия — не его конек.

— Коул-цзен, — начал генерал Рону, — на каких условиях вы можете поменять...

— Вам не нужен наплыв выпускников из школ боевых искусств, — сказал Хило. — У иностранцев меньше нефрита и хилые солдаты, они просто делают хорошую мину при плохой игре. И не говорите мне, что не способны выжать больше из имеющихся денег и нефрита.

Никто, даже Айт Мада, не посмел бы возразить Хило, когда он говорил в подобном решительном тоне. Генерал Рону неловко умолк, как младший Палец, которого поставил на место старший Кулак.

— Дискуссия, безусловно, получилась непростая, — смело вскочил на ноги Цанто Пан, пытаясь ослабить напряжение и предотвратить эскалацию конфликта. — Думаю, ее нужно продолжить на следующем заседании, после того как все мы рассмотрим различные варианты и поймем, как лучше поддержать генерала Рону, ведь мы согласны с тем, что его требования правомерны, хотя и спорим о том, как их выполнить.

Никто не стал возражать, когда Цанто поблагодарил Рону и завершил собрание. Хило тут же встал и вышел из зала, не проронив ни слова.

Шаэ затолкала бумаги в сумку. Поспешив к двери, она услышала зычный голос Кобена Йиро, дружелюбно болтающего с союзниками Горного клана. Она нагнала Хило в коридоре, схватила его за локоть и развернула к себе.

— Я же просила не отказываться сразу, — прошипела она. — Ты не дал нам времени выдвинуть контрпредложение. Горные повернут все против нас. Они-то уж позаботятся о том, чтобы пресса нас растерзала.

Лицо Хило исказилось от злости.

— Пусть меня лучше растерзает пресса, чем я погибну на самом деле, когда схема Айт возьмет действие. — Он посмотрел на выходящих в коридор людей, наклонился ближе и прошептал Шаэ в самое ухо: — Хочешь говорить сейчас, перед нашими врагами? Я отбиваю каждый их удар, Шаэ, а ты сражаешься со мной. Слово Колосса — закон, но ты вечно об этом забываешь, верно?

Хило вырвал свою руку и зашагал к лестнице, чтобы избежать разговоров перед лифтом. Шаэ проводила его взглядом, ее плечи напряглись от разочарования.

— Коул-цзен, — произнес кто-то за ее спиной.

Шаэ обернулась и увидела высокого мужчину в очках с тонкой металлической оправой, в котором она узнала Шелеста клана Единство шести рук. На собрании он сидел через два стула слева от Айт Мады.

Шаэ незаметно выдохнула, чтобы успокоиться и пригладить нефритовую ауру, и вежливо кивнула, пытаясь припомнить его имя. Он нажал на кнопку лифта.

— Необычно оживленное заседание КНА, правда? Не то что наши обычные споры по бюджету, — как ни в чем не бывало сказал он. — Страна может очутиться между двумя тиграми, по мнению генерала Рону, но ведь Горные и Равнинные — это и есть два тигра Кекона. Стоит вам зарычать, как прочие создания помельче начинают из всех сил суетиться, пытаясь угадать, кто из тигров менее голоден.

Приехал лифт, и двери открылись. Шелест клана Единство шести рук дипломатично предложил Шаэ войти первой. Она настороженно оглядела его и шагнула в лифт. Она не Почуяла враждебных намерений, и у нее не было повода считать этого человека личным врагом, но все-таки он был союзником Горных.

Мужчина зашел вслед за ней и тут же нажал на кнопку. Двери закрылись прежде, чем успел войти кто-либо еще из покидающих заседание. Шаэ напряглась. Когда они оказались так близко, ее Чутье ощутило участвовавший пульс спутника. Он нервничал, хотя на лице это и не отражалось. Он спокойно нажал на кнопку первого этажа.

— Где ваш Колосс? — спросила Шаэ. — Почему вы уходите не вместе?

— Он скоро меня нагонит, когда закончит разговор. Завтра утром мы возвращаемся в Луканг.

Клан Единство шести рук базировался во втором по величине городе Кекона, на южном побережье острова. По виску мужчины потекла капелька пота.

— Вы бывали в Луканге, Коул-цзен?

— Да, но давно, — ответила Шаэ.

— Думаю, вы удивитесь, насколько он разросся. Приезжайте, когда будет время. — Мужчина вытащил из нагрудного кармана визитную карточку и вручил ее Шаэ. На одной стороне белой карточки значилось его имя, Тин Ретубен, и контактная информация. На другой была красная печать Колосса с эмблемой клана.

— Клан Единство шести рук с радостью вас примет, — сказал Тин. — Звоните мне напрямую, как Шелест Шелесту.

Лифт остановился. Двери открылись, и Тин молча вышел, даже не посмотрев на Шаэ. Она помедлила, чтобы их не заметили вместе. Шаэ понимала, что Тин Рету выполнил опасное задание, полученное от его Колосса.

Шаэ опустила визитку в карман, ощупывая ее край, словно пробовала остроту ножа. Она не снимала руку с карточки, пока шла пять кварталов до Корабельной улицы. Мозг лихорадочно работал. Прямоугольник жесткого картона мог быть очередной ловушкой Горных. Или удачным поворотом судьбы, ответом от богов, который разрешит самые насущные проблемы Равнинных и даст им преимущество перед врагами. Клан Единство шести рук, крупнейший союзник Горных, задумался, не сменить ли сторону.

* * *

Вечеринку по поводу ухода Вуна устроили после работы, в отдельном зале хоцзи-бара «Пьяная утка». Пришли многие Барышники клана, чтобы выпить, закусить и пожелать Вуну удачи, однако надолго они не задержались. Вуна Папидонву уважали на работе, но на Корабельной улице у него было мало близких друзей. Такова цена должности заместителя Шелеста — мужчины, который подчиняется молодой женщине, пусть она и Коул.

— Отличная вечеринка, Шаэ-цзен, — сказал Вун, когда все разошлись. Потом он немного поколебался и добавил: — Я бы отвез тебя домой, как обычно, но я выпил. Лучше немного подождать.

— Я поведу, — сказала Шаэ. — А ты проветришь голову в машине.

Вун отдал ей свои ключи, и Шаэ поехала в поместье Коулов на его машине. К тому времени, как они прибыли, брызги дождя превратились в первый в этом сезоне ливень. Шаэ помахала охранникам в воротах, проехала мимо главного особняка и припарковала машину Вуна перед резиденцией Шелеста. Вун раскрыл зонтик над их головами и проводил Шаэ к двери. Шаэ пригласила его в дом и сняла пальто, пока Вун отряхивал зонтик.

— Подожди, пока уляжется ливень, будет проще вести машину, — предложила Шаэ.

Она заварила чай и принесла его к дивану. Вун взял чашку.

— Наверное, на следующей неделе я машинально поеду сюда после работы, — сказал он. — А по ночам буду

вскакивать в панике, что забыл напомнить тебе о какой-то встрече.

— Постарайся этого не делать, — рассмеялась Шаэ. А потом добавила уже серьезнее: — Я рада, что ты двигаешься дальше, и надеюсь, будешь больше времени проводить с Кийей.

Вун кивнул и сделал глоток. Он больше не возвращался к разговору о выкидыше жены и почему они не оставляют попытки завести детей.

— Как все прошло утром?

Когда Шаэ рассказала ему о том, что случилось, Вун вскочил и начал расхаживать по гостиной.

— Если Единство шести рук переметнется, будет большая заварушка, — сказал Вун. — Одни только их платежи дадут немало, не говоря уже о бойцах, которых мы приобретем в Луканге. Город быстро растет, и если мы возьмем его под свой контроль, то получим куда больше, чем Горные от переметнувшегося Фуиня Кана или любых других Фонарщиков. — Вун нахмурился, и справа на лбу у него появилась морщинка, пока его мозг производил те же расчеты, что и мозг Шаэ чуть раньше. — А это, случайно, не ловушка? Способ выгащить у нас информацию или заставить нас ослабить меры предосторожности?

— Я тоже об этом размышляю, — призналась Шаэ.

Однако Тин выглядел искренним. Он не был бы так напряжен в лифте, если бы на кону не стояла судьба клана.

Вун развернулся и пошел в другую сторону.

— Нужно тщательно все проверить и убедиться, что это правда, прежде чем встречаться с их лидерами и заключать какие-либо сделки. И, конечно, все нужно хранить в строжайшей тайне. Я соберу все сведения, какие у нас есть по клану Единство шести рук, и сделаю несколько частных звонков нашим людям в Луканге, чтобы выяснить больше.

Шаэ кивнула и хотела высказать согласие, но осеклась.

— Нет, — сказала она. Когда Вун остановился и ошарашенно повернулся к ней, Шаэ напомнила ему: — Это больше не твоя работа. Теперь у тебя другие обязанности. — Она улыбнулась, пытаясь смягчить ответ. — Тебе предстоит еще многое сделать для клана — с Нового года ты приступишь к работе на новом месте. А этим пусть займется Луто.

С этого дня Вун стал Хранителем печати. Должность создали специально для него, с целью освободить Шаэ от бесконечных встреч. Как представитель Равнинного клана и посредник в политических кругах он будет вести дела с Королевским советом, иностранными дипломатами, кланами-данниками и прессой. Это была подходящая должность для Вуна — он сумеет донести послание в точности, понимая, в чем заключаются приоритеты клана, и будет осторожно разговаривать с чужаками, не выдавая ничего лишнего.

Бывший заместитель Шаэ, похоже, был доволен новым назначением, но сейчас возмутился почти со злостью:

— Это слишком важная работа, чтобы поручать ее Луто.

— Ты ведь сам его предложил, Папи-цзен, — напомнила Шаэ. — Назвал его на редкость умным и организованным человеком и заверил, что мы хорошо сработаемся.

— Да, но... — Вун явно боролся с собой. — Он же совершенный новичок на этой работе. Я, конечно, объяснил ему все по максимуму, но ему понадобится время, чтобы освоиться на месте твоей Тени. А переманить к себе мелкий клан непросто и рискованно, мы не можем позволить себе ошибку. Хотя бы разреши мне присматривать за работой Луто.

Шаэ засмеялась:

— Ты разве не помнишь, почему просил об увольнении? Предполагалось, что теперь ты будешь работать меньше, а не больше. — Шаэ не могла выкинуть из головы те слова, которые Хило произнес этим утром в машине: «Не понимаю, зачем он так мучается, работая с тобой». Вун настаивал, что должен помогать ей хоть в каком-то качестве, считая, что Шаэ в нем нуждается. Она и правда в нем нуждалась. — Ладно, — сдалась она, — но пусть Луто делает основную часть работы, а ты не отвлекайся от своей.

Вун с облегчением кивнул и сел рядом с Шаэ на диван.

— Как бы ни называлась моя официальная должность, моя настоящая работа — помогать тебе во всех делах, Шаэ-цзен.

В горле у Шаэ запершило. Она подвинулась ближе к Вуну и обняла его за плечи.

— Ты уже немало сделал, — сказала она, положив подбородок на плечо Вуну. — Я полагалась на тебя целых шесть лет и так мало дала взамен. Когда мы приносим клятвы как Зеленые кости, то говорим, что готовы умереть ради клана. Но жить ради клана день за днем, как жил ты, Папи-цзен, это гораздо большая жертва.

Нефритовая аура Вуна запульсировала от эмоций. Он наклонился к Шаэ и приложил ее руку к своей груди.

— Боюсь, ты думаешь, будто я покидаю свой пост, потому что устал быть твоей Тенью. Или что я... — он колебался. — Или что я ожидаю от тебя чего-то большего. Но это не так.

У Шаэ зануло сердце. Как ни тяжело было это признавать, Хило был прав, когда говорил, что она неспособна сказать нужные слова, но теперь у Шаэ появился шанс все изменить, прежде чем станет слишком поздно.

— Не могу винить тебя за то, что хочешь жить собственной жизнью, ведь я слишком долго пользовалась твоей добротой, — призналась она, обрадовавшись, что Вун не видит ее лица, но понимая, что он Почует гулкое биение ее сердца. — После смерти Лана я воспользовалась твоим горем, чтобы заставить работать на меня, хотя мы оба знали — ты мог бы и сам стать Шелестом, если бы все сложилось иначе. Без тебя я бы не выжила на Корабельной улице, и прошу у тебя прощения. А еще прости за то, что так долго не могла этого сказать.

Ее бывший помощник молчал так долго, что Шаэ уже испугалась, не совершила ли она страшную ошибку, упомянув смерть Лана. Это было их общее горе, хотя каждый страдал по-своему. Она убрала руку, но Вун повернулся к ней и сжал ее ладони своими так крепко, что Шаэ почувствовала биение его пульса.

— Я никогда не стал бы таким Шелестом, как ты, Шаэ-цзен, — хрипло сказал он, опустив голову. — Я не был таким помощником, в котором нуждался Лан-цзен. Я делал все, что он просит, и хранил его тайны, не задавая вопросов. Это была ошибка. Мне следовало заговорить, поспорить с ним, пойти к Хило-цзену. Но я этого не сделал. Я обрадовался повышению и, даже зная, что Лан ранен и принимает «сияние», оставил его в одиночестве, когда он больше всего во мне нуждался.

Вун поднял голову. Его глаза казались тонкой стеклянной оболочкой.

— За свою ошибку я заслужил смерть. Я обещал себе, что сделаю для сестры Лана то, чего не сумел сделать для него, поддержу ее во всех начинаниях, но буду с ней спорить и не стану молчать, когда нужно высказаться, и тогда она превратится в такого Шелеста, каким никогда не сумел бы стать я.

Вун поднял руку, чтобы смахнуть слезу, которая скапывала по щеке Шаэ.

— Однако вскоре должность твоей Тени стала не обязанностью, а эгоистичным желанием. Мне никогда не было легко, и временами я боялся тебя подвести, но если бы пришлось повторить все с начала, я бы сделал это без колебаний. Клан — моя кровь, но для меня Шелест — мой повелитель.

Шаэ не могла подобрать слова для ответа. Дождь прекратился, и небо за окном расчистилось. Вун выпустил ее ладони и отвернулся, чтобы скрыть смущение.

— Мне пора, — сказал он, вставая.

Шаэ схватила его за руку и вскочила, прежде чем успел подняться Вун.

— Не уходи.

Обе нефритовые ауры задрожали от возбуждения, как будто по ним ударил электрический разряд.

— Шаэ... — начал Вун каким-то чужим голосом.

И разделяющее их пространство исчезло. Вун прижался губами к ее губам, а может, и наоборот, это сделала Шаэ, она понятия не имела, кто был первым. Просто стена неловкости, которую они воздвигли между собой, пошла трещинами и рухнула. Шаэ поднялась на цыпочках и обняла его за шею. Вун зарылся руками в ее волосы, обнял за затылок, а их языки с дрожью встретились в страстном порыве желания, от которого вспыхнула каждая клеточка тела.

Шаэ рухнула в это желание, как камень в центр спокойного пруда. Прошло уже столько времени с тех пор, как она была с мужчиной, почти четыре года, и те отношения закончились немыслимой трагедией. Но, целуя Вуна, Шаэ не ощущала сомнений или угрызений совести, он был таким родным и знакомым, а этот порыв —

естественным, как гравитация. От вожделения его аура вспыхнула, словно огонь от выплеснутого керосина, ослепив Чутье Шаэ бушующим пламенем.

Вун тихо застонал. Он целовал ее все настойчивее, запустив руки под блузку, ощупывая кожу живота и спины. Их дыхание стало прерывистым. Шаэ потянула его ремень, расстегнула и стащила с Вуна рубашку.

Вун резко дернулся, схватил ее за руку и замер, отодвинулся и посмотрел на Шаэ со смесью страсти и смятения, его грудь поднималась и опадала по мере того, как он пытался взять себя в руки. Его аура почернела по краям. Шаэ посмотрела на него, широко открыв глаза, как подбитая в полете птица.

— Почему? — выдавил он. — Почему сейчас?

Шаэ не была уверена, что он действительно хочет услышать ответ. Вун отвернулся и тряхнул головой, словно получил удар в челюсть и пытался избавиться от черноты перед глазами.

— Боги, почему, после стольких лет?

Шаэ хотелось схватить его, снова поцеловать, утянуть в безрассудный огонь страсти, но Вун уже застегивал ремень и рубашку, не встречаясь с Шаэ взглядом. Она была потрясена, настолько это оказалось больно.

— Ты работал главой моей администрации, — сказала она. — Наши отношения были профессиональными. И... — Она снова с горьким сожалением подумала о Маро. — И у нас были другие партнеры.

— Не были, а есть, — поправил ее Вун. — Я женат.

Он потер ладонью морщинку на лбу. Шаэ не раз видела этот жест в офисе, когда они обсуждали какую-нибудь замысловатую проблему. Так необычно было увидеть знакомое движение здесь, у нее дома, когда их лица пылали, а одежда была в беспорядке. Она настолько привыкла к образу Вуна — ее нестигаемого и надежного помощника, что ей уже начало казаться, будто случившегося в эти минуты просто не было. И все же, глядя на его глубоко посаженные глаза и твердо сомкнутые губы, широкую грудь и длинные пальцы, она удивлялась, почему они не сделали этого раньше.

— Мне пора, — сказал Вун, на этот раз твердо.

Где-то внизу живота у Шаэ свернулся холодным клубком страх. Она испортила дружбу, потеряла его уваже-

ние и преклонение. Ей никогда не удавались отношения с мужчинами.

Без единого слова она нашарила в кармане жакета ключи от машины Вуна и отдала ему. Когда их пальцы встретились, по нефритовой ауре Вуна прошла дрожь от боли, тоски и смятения, придав мимолетному прикосновению непропорциональную значимость, учитывая, какую пропасть они только что преодолели.

— Прости, — жалко прошептала она. — Мне не следовало...

Вун оборвал ее, с силой тряхнув головой:

— Не надо. — Так и не взглянув на Шаэ, он взял у двери зонтик. Его плечи сгорбились от напряжения. — Спокойной ночи, Шаэ-цзен, — сказал он, безуспешно пытаясь говорить как обычно, и открыл дверь.

— Спокойной ночи. Счастливого пути.

Шаэ отчаянно пыталась найти нужные слова, чтобы все исправить, пока он не ушел, но так ничего и не придумала.

Стоя у окна, она смотрела, как зажглись фары его машины. А когда они исчезли вдаль, за воротами семейного поместья, Шаэ натянула на плечи одеяло и молча выпила остаток чая, теперь уже слишком крепкого и холодного.

Глава 7

Новый друг

ДВИЖЕНИЕ «БУДУЩЕЕ БЕЗ КЛАНОВ» устраивало встречи дважды в неделю в баре «Маленькая хурма». Полтора года назад Бери впервые поднялся по узкой лестнице в полутемную комнатку второго этажа, где три человека играли в карты. Сегодня у бара и за крохотными столиками толпилось почти тридцать человек, они пили бренди и курили, передавая друг другу листовки на тонкой серой бумаге.

Снаружи вечный уличный шум Жанлуна перерос из тихого гула в торнадо — люди возвращались с работы и радостно высыпали наружу, в теплый весенний вечер,

но окна «Маленькой хурмы» оставались закрытыми. Висящие над черной стойкой бара и маленьким танцполом красные лампы отбрасывали на напряженные лица жутковатое сияние. Смелое нападение на казино «Двойная ставка» четыре месяца назад привлекло новых революционеров, но собираться здесь стало опаснее. Равнинный клан не сумел найти налетчиков, но энергично перетряхивал каждое бандитское логово на своей территории и объявил награду тому, кто приведет к виновным. Предложение было настолько щедрым, что БERO испытывал соблазн донести на Гурихо, Отоньо и Тадино, но они, вероятно, сдали бы его самого, прежде чем их убьют.

БЕРО прошел к скамейкам с красными подушками у стены и сел между Тадино и девушкой в розовом шарфе. Свой рюкзак он осторожно поставил на пол между ногами, стараясь, чтобы он не клацнул по полу. Тадино ткнул БERO в бок острым локтем и прошептал:

— Ну что, принес? Развлечемся после собрания?

Гурихо и Отоньо не планировали новых нападений. Они считали, что пока следует залечь на дно и сосредоточиться на расширении движения. Но БERO и Тадино время от времени выходили на дело с баллончиками краски и монтировками, громили заведения клана, всегда меняя кварталы и почерк, прямо как рыба, кусающая кита. Правда, БERO всегда так жил. Он привык находиться на дне общества. Краску можно отмыть, в окна вставить новые стекла, но клану придется раскошелиться. Еще больше людей поймут, что даже мелкая рыбешка может бросить вызов Зеленым костям.

Гурихо встал в центре зала с листком бумаги в руке и начал говорить в микрофон. Каждый раз при виде него БERO приходил на ум образ козла в свитере. У полукровки из Оортоко были маленькие глазки и длинная растрепанная борода. Во время своей речи он тяжело дышал и расхаживал взад-вперед. Как обычно, выглядел он неопрятно, однако говорил с воодушевлением:

— Говорят, что нефрит — это дар Небес, но на самом деле это проклятье ада и его демонов. Люди по всему миру используют его во зло. Здесь, на Кеконе, все живут под тиранией Зеленых костей. В Шотаре банды барука-

нов носят нефрит, чтобы убивать, грабить и насиловать. Эспенские солдаты с нефритом превратили Оортоко в опустошенную войной пустыню. И кто контролирует производство нефрита? — выкрикнул Гурихо. — Кто находится на вершине пирамиды насилия и коррупции? Кеконские кланы Зеленых костей.

Собравшиеся сердито загудели в знак согласия и одобрительно затопали по полу. Девушка, сидящая на скамейке рядом с БERO, подалась вперед и вся превратилась в слух. Симпатичная. Даже очень. Слишком юная и привлекательная для такого собрания. У нее была сексуальная короткая стрижка, молочно-белая кожа и слегка приоткрытые полные губы.

— Привет! Как тебя зовут? — спросил БERO.

Девушка повернулась к нему, широко распахнув глаза, полные подозрения и любопытства. БERO привык к такой реакции со стороны женщин из-за своей молодости и изуродованного лица, которое в то же время предполагало, что у него была интересная жизнь, он мог пострадать в дуэли или сражении.

Девушка в шарфе колебалась.

— Эма, — наконец сказала она.

БERO хотелось поверить, что она с ним флиртует, представившись уменьшительным именем, а не фамилией, но он знал — на этом собрании никто не хочет быть признанным. Пестрое собрание состояло из людей с подорванной репутацией и радикалов — «новых зеленых», нелегально носящих нефрит, бывших баруканов, наркоманов на «сиянии», студентов и политических экстремистов вроде боевой ветви движения по защите прав абукейцев, противников дуэлей и анархистов. Как с удивлением отметил БERO, в глубине зала даже сидел один иностранец. Многие из присутствующих возненавидели бы друг друга, если бы не ненавидели кланы больше.

— БERO, — представился он, хотя она и не спрашивала его имя. Девушка опять сосредоточилась на речи Гурихо, а потому БERO легонько толкнул ее и добавил: — А знаешь, я и сам когда-то носил нефрит. И много нефрита. Я вечно был в бегах от Зеленых костей. Эти гады чуть меня не убили, и не единожды. Вот почему у меня такое лицо. Мне повезло, что я выжил.

Судя по ее быстрому и раздраженному взгляду, Эма ему не поверила.

— Это правда. Давай выпьем после собрания, и я расскажу тебе подробности.

Гурихо сердито зыркнул в его сторону, и Бери нехотя умолк. Гурихо поднял листовку из тех, которые всем раздали.

— Представляю вам манифест движения «За будущее без кланов», — объявил он, откашлялся и начал торжественно и с чувством собственной важности зачитывать: — В вечной битве за справедливость и общество равных возможностей, свободное от хищников, подавляющих слабых, цель нашей благородной борьбы — освобождение мира от деструктивного влияния нефрита. Мы положим конец клановости».

— Прекрасно звучит, философски, — прервал его хриплый голос с акцентом, — но вы и вправду против кланов?

Все повернулись на голос. Вопрос задал иностранец — невысокий и мускулистый, с крупным носом и глубоко посаженными глазами под кустистыми бровями. Его кудрявые волосы были цвета ржавчины. Хотя он смотрелся здесь совершенно неуместно, мужчина излучал уверенность, по которой знакомые с Зелеными костями кеконцы сразу узнали грозного бойца. К Гурихо он обратился не агрессивно, но с вызовом.

— Может, сначала послушаете, а потом будете задавать вопросы, а? — невозмутимо ответил Гурихо. — Кланов могут существовать без народной поддержки. Политики, Фонарщики, прохожие, приветствующие на улицах Зеленых костей, — все они вносят свой вклад в систему. А мы должны разрушить эту систему! Начнем с того, что откроем людям глаза и...

— Да-да, у вас отличные лозунги, листовки и собрания. — Иностранец неплохо владел кеконским, но слова были искажены как акцентом, так и нетерпением. — Вот только у кланов Зеленых костей есть нефрит, деньги, оружие и люди. А у вас, похоже, все это в дефиците.

Тадино вскочил на ноги. Он работал в «Маленькой хурме» барменом, а его отчим дружил с Гурихо, именно поэтому бар стал безопасным местом для встреч.

— Не знаю, как обстоят дела у вас на родине, — раздраженно воскликнул он, — но у нас не принято так грубо прерывать людей, тем более чужакам, которые даже не представились.

Иностранец тоже встал, и все его соседи опасливо отпрянули. Тадино напрягся, но курчавый мужчина, немного подумав, просто раскинул руки.

— Ты прав, — смиренно признал он. — Прошу прощения, если я кого-то оскорбил своими прямолинейными вопросами. Сами видите, я человек неместный. Меня зовут Моловни, я приехал в Жанлун, услышав о вашем благородном деле.

По «Маленькой хурме» пронесся ропот подозрений и удивления. Даже Гурихо сощурил маленькие глазки, не зная, что сказать.

— Он югутанец, — восторженно прошептала Эма.

— Возможно, вы не в курсе, но многие люди за пределами вашей страны сочувствуют кеконцам, живущим под пятой кланов. Я пришел сюда, чтобы больше узнать о вашей борьбе. — Моловни снова сел и кивнул Гурихо: — Я влез без очереди, но прошу вас, продолжайте. Несомненно, у вас великие цели, и пусть они кажутся труднодостижимыми, всего можно добиться с помощью друзей.

Глава 8

От имени семьи

ЭМЕРИ АНДЕН СТАРАЛСЯ НЕ волноваться из-за того, что на его экзамене присутствовало несколько иностранных врачей. «Веди себя так, будто их здесь нет», — твердил он себе, отворачиваясь, а потом закатал рукава и поправил ленту врача на левом запястье. Это была туго затянутая полоска кожи, похожая на ту, которую он носил подростком в Академии Коула Душурона, только ярко-желтая — цвет указывал на то, что он студент-медик. На ленте Андена было три нефритовых камня, гораздо меньше, чем в прошлом, но вполне достаточно для сегодняшнего задания.

Анден закрыл глаза и сделал пять глубоких и ровных вдохов, успокаивая себя, как обычно, а потом подошел

к раковине, чтобы вымыть руки. Тело гудело от нефритовой энергии и нервного возбуждения. Шесть лет назад, хотя ему казалось, будто прошла целая вечность, он поклялся, что больше никогда не будет носить нефрит. А теперь надевал и снимал его так часто, что это стало привычной и непримечательной рутинной, ничем не отличающейся от других забот медицинской школы. На втором курсе колледжа Биоэнергетической медицины он должен был посвящать определенное количество часов клинической практике, но, когда Анден впервые вошел в жанлунскую центральную больницу, чтобы начать обучение, ему на миг захотелось развернуться и покончить с учебой. Это место навевало дурные воспоминания. В этих коридорах он сидел в детстве, слушая крики матери. А потом проснулся в нефритовой лихорадке после убийства Гонта Аша. Прошло несколько недель, прежде чем у него перестало сосать под ложечкой, когда он входил в дверь больницы. А теперь, когда он оказался в операционной перед внимательно наблюдающими чужаками, прежнее смятение снова вернулось.

У стены стояли шестеро эспенцев в позаимствованных халатах и держали в руках блокноты и ручки. А один даже камеру. Они приехали из медицинского исследовательского центра Демфи при Вотерсгардском университете в Адамонте, чтобы изучить использование нефрита в медицинской сфере. Эспенцы уже несколько десятилетий назад оценили значение нефрита для армии, но лишь недавно заинтересовались тем, как кеконцы пользуются нефритовыми способностями для других целей. Они наблюдали за Анденом пристально и с нетерпением, как наставники Академии Коула Душурона во время финальных Испытаний.

Пациент, пятидесятисемилетний мужчина с гемангиомой печени, уже находился под наркозом и был готов к операции. Анден занимался им первым, хирург еще даже не появился. Доктор Тимо, Зеленая кость и медицинский наставник Андена, проверил жизненные показатели и кивком подал Андену знак приступать.

— Не торопитесь, — приободрил его он.

Анден еще раз изучил рентгеновский снимок, чтобы вспомнить размер и форму опухоли, которую следует

удалить, потом напряг Чутье и сосредоточился на энергии лежащего под наркозом пациента. Ровное биение пульса и органов сложилось в голове Андена в мысленную карту. Окинув широким взором весь организм, он сфокусировал Чутье на кровеносной системе, пробираясь сквозь массу соединяющихся сосудов разной длины и толщины, гудящих жизнью. Зрение Андена затуманилось, глаза почти закрылись.

Нефритовому врачу требовалось такое же сильное Чутье, как и Концентрация. Анден всегда был от природы талантлив в Концентрации, но, чтобы отточить Чутье, понадобились бесконечные часы учебы и практики. В Академии Коула Ду, готовясь стать Кулаком Равнинного клана, он научился считать Чутье и Концентрацию щитом и копьем, которые следует использовать быстро и со смертоносной силой. Почуять намерения убийцы и Сконцентрироваться, чтобы остановить сердце, — совсем не похоже на нынешнюю деликатную задачу.

Стоя у операционного стола, Анден занес руку над правым боком пациента. Он нашел печеночную артерию и Сконцентрировался на ней легким уверенным движением, направив ровно столько энергии, чтобы отрезать поток крови от опухоли. Это заняло всего несколько минут. Доктор Тимо стоял поблизости, следя за операцией с помощью Чутья и приготовившись вмешаться при необходимости. Когда Анден отступил и опустил руку, врач одобрительно кивнул, а потом быстро и профессионально перекрыл несколько мелких вен, завершив работу. Теперь опухоль можно было удалять с минимальной кровопотерей.

Обычно на этом этапе в дело вступил бы хирург, чтобы завершить резекцию, но из-за присутствия иностранных гостей Анден подождал еще пятнадцать минут, пока сделают и проявят рентген, с помощью контрастной краски удостоверившись, что кровопоток к опухоли отрезан. Эспенцы собрались вокруг рентгеновских отпечатков, делали заметки в блокнотах и переговаривались. Анден мог уходить. Он осторожно обогнул появившегося хирурга и медсестер, вышел из операционной в коридор и сел на ближайшую скамейку. Затем снял с руки ленту и с закрытыми глазами прислонился головой к стене, пережидая нахлынувшую тошноту.

Большинство нефритовых медиков не снимали свою зелень, но Анден носил нефрит только на работе. Как монахи и учителя, врачи официально не входили ни в один клан, нападение на них считалось нарушением кодекса айшо, но Анден находился в уникальном положении. Он был членом семьи Коул, все знали, что он убил Гонта Аша, бывшего Штыря Горного клана. А еще он работал на Равнинных в Эспении, участвовал в убийстве контрабандиста Запуньо. Пусть он и стал врачом, но все равно оставался Зеленой костью Равнинного клана и не хотел рисковать — вдруг его примут за бойца клана и он кого-нибудь убьет в схватке. Хватило бы малейшего толчка, чтобы он снова встал на путь, от которого решительно отказался.

Анден открыл глаза и увидел перед собой двух эспенских врачей, рассматривавших его с величайшим интересом.

— Впечатляющая демонстрация ваших способностей, — сказал тот, что повыше, с аккуратно подстриженной бородкой и широкой улыбкой. — Можно узнать, откуда вы родом? Вы... Как...

Он взмахнул руками, явно спрашивая Андена о его сомнительном происхождении.

Стоящий рядом с врачами переводчик начал повторять вопрос по-кеконски, но Анден прервал его и ответил по-эспенски, постаравшись не поморщиться от бестактного вопроса иностранца.

— Мой отец был эспенцем, — объяснил он. — Но я его не знал. Я родился в Жанлуне.

— Однако прекрасно говорите по-эспенски.

— Я почти четыре года прожил в Порт-Масси, — ответил Анден. — Получил диплом в колледже и работал, прежде чем вернуться в Жанлун.

— Вот как? — Улыбка врача стала шире. — А не хотите снова вернуться в Порт-Масси? Может быть, заехать в столицу, Адамонт? — Он вытащил из бумажника визитку и протянул ее Андену. — Меня зовут доктор Элан Мартген. Я возглавляю исследовательскую лабораторию медицинского центра Демфи. После того что я увидел в этой поездке, мне хотелось бы пригласить кеконского врача, который мог бы продемонстрировать техники биоэнер-

гетического лечения широкому кругу медиков на нашей ежегодной летней конференции. Конечно, мы оплатим проезд и проживание.

Анден встал и взял визитную карточку, хотя предложение его смутило.

— Я рад, что ваша поездка была полезной, но лучше пригласите на конференцию кого-нибудь другого. Я всего лишь студент и еще не получил разрешения на медицинскую практику.

Анден опережал своих сокурсников. Блокировку кровеносной системы студенты обычно выполняли только на третьем курсе, хотя задача была достаточно простая, и опытный нефритовый врач, вроде доктора Тимо, выполнил бы ее хоть во сне.

Доктор Мартген переглянулся с коллегой — кудрявым человеком моложе и ниже ростом, а потом вновь повернулся к Андену:

— Мы собираемся пригласить группу нефритовых целителей и очень хотели бы видеть среди них вас.

— Большинство кеконцев не говорят по-эспенски с такой же легкостью, как вы, — признался молодой врач. — И, честно говоря, многие наши коллеги сомневаются в медицинском потенциале биоэнергетического нефрита. Не считают его настолько же ценным, как научные достижения, и не намерены изучать практики, до сих пор существовавшие лишь на маленьком и отдаленном острове.

— А вы могли бы изменить их мнение, — добавил доктор Мартген.

Анден посмотрел на них обоих и понял, что они подошли к нему из-за его внешности, выдающей наполовину эспенское происхождение. Если врачи из Демфи увидят похожего на эспенца и говорящего на их языке человека, который занимается загадочным и непонятным врачеванием, это поможет доктору Мартгену произвести впечатление на свое начальство или акционеров.

— Будем на связи, — дал Анден ни к чему не обязывающий ответ.

— Прошу, подумайте об этом, — сказал доктор Мартген, пожимая Андену руку, а потом присоединился к остальной группе, и они пошли дальше.

Когда они скрылись из вида, Анден еще раз взглянул на визитку и сунул ее в карман.

До сих пор он не думал о возвращении в Эспению, и теперь мысль об этом была одновременно и неожиданно притягательной, и смутно неприятной. Вернувшись в Жанлун, Анден вдруг в смятении осознал, что никогда не жил в родном городе как взрослый человек. И в последние полтора года он во многих смыслах заново открывал самого себя. Теперь он был студентом-медиком, жил в собственной квартире в Старом городе неподалеку от больницы, и у него было три маленьких племянника.

Порт-Масси казался таким далеким, а проведенные там годы почти сном, часть из них счастливым, часть грустным, а часть просто кошмарным. Порой он вспоминал тех, с кем там сблизился: семью Хианов, у которой жил, Даука Лосуна и его жену Сану, друзей по релболу и залу для поединков. И Кори. Анден по-прежнему вспоминал Кори, иногда с тоской, но чаще пытаясь угадать, чем он теперь занимается.

Эспенские доктора пригласили Андена не из-за его врожденных медицинских способностей, а из-за того, что он воплощает. Впервые в жизни он встретился с незнакомцами, которые считали его смешанную кровь преимуществом, а не наоборот. На новогоднем приеме Вен сказала Андену, что он ценен не нефритовыми способностями, а тем, какой он человек. Тогда он не воспринял ее слова, но и не забыл их.

* * *

Шестого числа Анден приехал в поместье Коулов, чтобы поговорить с родней. Колосс, Шелест и Штырь совещались за закрытыми дверями, и потому Анден уселся с племянниками на диване в гостиной и читал им книжки с картинками. Нико слушал молча, а Рю задавал столько вопросов, что они не успели закончить даже первый рассказ, когда в другой комнате после дневного сна проснулась Цзяя и сердито раскричалась. Анден любил детей, в особенности Нико, но все-таки порадовался, что у него нет и не будет собственных.

Когда открылась дверь и из кабинета появился Цзуэн Нью, Анден постучал и вошел. Хило сидел за столом, подперев голову рукой. Перед ним были разложены графики и цифры с заметками, написанными рукой Шаэ. Анден не мог разобраться, отчего Колосс так угрюм, — то ли потому, что ему пришлось изучать всю эту гору данных, то ли из-за их содержимого. Хило поднял взгляд:

— В чем дело, Энди?

Из напряженного разговора за столом Анден знал, что Горные пытаются прижать Равнинных со всех сторон, используя для этого все средства. Когда Колоссом был Лан, Айт Мада стремилась ослабить Равнинный клан, тихой сапой проникая на его территорию. Теперь враги полагались на деньги и прессу, а не на лазутчиков и уличную преступность. Однако сейчас Анден больше не был подростком, беспомощно ожидающим, когда его позовут воевать. Он был уже побывавшим на войне взрослым, имеющим собственные связи и влияние.

— Я хочу съездить в Эспению, — сообщил он.

Когда Анден объяснил суть, Хило закурил сигарету и потер бровь большим пальцем.

— Кое-кто в клане хочет, чтобы мы свернули все дела в этой стране, а не ввязывались в новые.

В эти дни Эспения была во всех новостях. Она планировала расширить военно-морскую базу на острове Эуман, чтобы поиграть мускулами перед Югутаном. Такое решение вызвало недовольство на Кеконе.

— Стоит попробовать, Хило-цзен, — сказал Анден.

Шаэ сидела в кресле, скрестив руки на груди. Колосс и Шелест по-прежнему не ладили. Она криво улыбнулась Андену:

— Помнишь, как ты расстроился, когда тебя послали в Эспению в первый раз? А теперь просишь разрешения вернуться. — Потом она обратилась к Хило: — Анден должен поехать. Прибыль от эспенского бизнеса сейчас — наше спасение, но наши страны друг другу не доверяют и не понимают, и это большая проблема. Если мы можем как-то изменить положение, хотя бы в медицине, нужно воспользоваться случаем.

Хило не выглядел полностью убежденным, однако согласился:

— Ладно, Энди. Поезжай и выступи там от имени семьи.

И тут раздался крик Нико:

— Нет! — Мальчик стоял в полуоткрытых дверях кабинета, прижимая к бокам кулачки. — В Эспении сделали больно маме. Дяде Андену нельзя туда ехать. Вы не должны ему разрешать!

Взрослые пораженно уставились на Нико.

Анден подошел к шестилетнему племяннику и присел перед ним на корточки, положив руки на дрожащие плечи мальчика.

— Нико-се, я сам попросил о поездке, — заверил он. — Это ненадолго, и там не будет ничего опасного. Конечно, риск всегда есть, но семья вроде нашей не может не рисковать.

* * *

Шелест позвонила декану колледжа Биоэнергетической медицины, подчеркнув, насколько Равнинный клан заинтересован в поездке Андена, и тот немедленно согласился. Через два месяца Анден и три лучших врача колледжа, включая доктора Тимо, прибыли в Адамонт. Это был старинный город с узкими мощеными улочками и историческими кирпичными зданиями. На каждом перекрестке перед стеклянными офисными небоскребами, впечатляющими зданиями госучреждений и посольств, возвышались мраморные монументы. Анден никогда раньше не бывал в столице Республики Эспения, хотя она находилась всего в трех часах езды на автобусе от Порт-Масси, где он жил и работал почти четыре года. Андену не приходило в голову посещать другие города — в девятнадцать лет ему хватало и Порт-Масси, который казался слишком огромным и непонятным.

Однако теперь он наслаждался возможностью побывать здесь туристом. Доктор Мартген и персонал медицинского исследовательского центра Демфи оказались гостеприимными хозяевами, разместили Андена и трех других Зеленых костей в прекрасном отеле и в свободное от встреч и демонстрации умений время устраивали им экскурсии по Вотерсгардскому университету и главным городским достопримечательностям. Как простой сту-

дент, Анден не играл ведущую роль на встречах и презентациях, а лишь ассистировал и переводил для остальных членов группы. В конце пятидневной конференции он гораздо больше устал от того, что приходилось думать и говорить на двух языках одновременно и лавировать между традициями разных стран, чем от использования нефритовых способностей.

Доктор Тимо и другие кеконцы на следующее утро сразу полетели в Жанлун. Анден остался. Он поехал на такси из отеля в федеральное министерство промышленности, находящееся в угловатом, похожем на крепость здании напротив Национальной Ассамблеи. Ожидая на диване в вестибюле у лифта, он рассматривал огромное белое здание, в котором заседало правительство — квадратные ярусы поднимались к пирамидальной вершине, а в окнах так ярко горел свет, что превращал ночь в день. Прямые и строгие линии казались Андену слишком резкими, закрытыми и непроницаемыми.

К нему вышла секретарша. Она извинилась за то, что ему пришлось ждать, и проводила Андена в угловой кабинет на седьмом этаже. Табличка на двери гласила: «Келли Даук, заместитель министра». Анден вошел.

Даук Келишон, старшая сестра Кори, была похожа на отца и брата, в особенности когда приподнимала уголки губ в вежливой улыбке. Она встала, пожала Андену руку и жестом предложила ему сесть в кресло напротив стола.

— Господин Эмери, верно?

Заместителю министра было около сорока лет, она носила светло-серый костюм с черной блузкой и жемчужным ожерельем. Ее лицо обрамляла безукоризненная стрижка-каре до подбородка. Строгие профессиональные манеры ничуть не напоминали общительного и компанейского брата.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться, госпожа Даук, — сказал Анден по-кеконски.

Женщина чуть развернула свое кресло в сторону, облокотилась на стол и закинула ногу на ногу, изучая Андена. Ее вежливая улыбка не дрогнула.

— Я согласилась на эту встречу из уважения к своим родителям, — сказала она на эспенском. — Мама очень настаивала. По ее словам, вы представляете один из

кеконских кланов. Боюсь, я не очень понимаю, какое отношение это имеет ко мне и министерству промышленности.

Это была не грубость, но ее тон и быстрый переход на эспенский удивили Андена. Он неохотно последовал ее примеру и заговорил по-эспенски, осторожнее, чем следовало:

— Я приехал в Адамонт по другим причинам, но, пока я здесь, надеюсь наладить дружеские отношения с министерством промышленности от имени семьи Коулов из Равнинного клана.

— Так называется ваш клан?

Анден засомневался, говорит ли она серьезно или притворяется неосведомленной, каким-то образом его проверяя.

— Равнинный клан — один из двух главных кланов Кекона, — медленно выговорил он. — Мы контролируем почти половину столицы и добычи нефрита, у нас также есть предприятия во многих отраслях по всей стране. Примерно половину мест в Королевском совете Кекона занимают лояльные нам законодатели. Колосс Равнинных — мой брат. Моя сестра — Шелест клана и занимается деловой стороной. Они попросили меня говорить от имени семьи.

— Господин Эмери, моя работа в министерстве промышленности заключается в помощи министру Хагарту в вопросах эспенской экономической политики. Биоэнергетический нефрит не в моей компетенции.

— Понимаю, но клан занимается не только нефритом, — ответил Анден. — Мы хотим развивать бизнес в Эспении и наладить выгодное партнерство, но для нас существуют определенные барьеры. Мы хотели бы разъяснить свою позицию законодателям и эспенскому правительству. Конечно, моя семья поддерживает отношения с эспенским послом и министерством иностранных дел, а также эспенскими военными с базы на острове Эуман, но нам нужны друзья и здесь, в Адамонте, имеющие влияние на премьер-министра и Национальную Ассамблею.

Анден умолк. Может, из-за равнодушного взгляда Келли Даук или потому, что ему трудно было произносить такую длинную речь на эспенском, но Анден выговари-

вал слова все медленнее и с трудом подбирал нужные. Или он слишком невнятно говорит и собеседница его не понимает?

— Я уважаю вашу семью и считаю ваших родителей и брата близкими друзьями.

Сестра Кори долго изучала Андена.

— Мои родители, — наконец сказала она, — принадлежат к старому поколению кеконских иммигрантов, которые до сих пор придерживаются культурных традиций и ценностей, относящихся к кланам и нефриту. Не сомневаюсь, что даже в таком солидном возрасте они изображают боссов среди соседей по кварталу в Южном капкане. Они возлагали надежды на моего брата еще с самого детства, тренировали его носить нефрит, «быть зеленым», как они выражаются. — Ее вежливая улыбка стала шире, но лишилась всякого тепла. — Немудрено, что вы так им понравились — молодой человек с прежней родины.

Пока Анден пытался подобрать ответ, Келли Даук сплела пальцы и продолжила:

— Родители со своими друзьями без конца жалуются на правительство. Они считают запрет на владение нефритом для обычных граждан верхом тирании и расовых предрассудков. Кеконские кланы хотят зарабатывать, продавая Эспении биоэнергетический нефрит, и желают ослабить или вовсе снять запрет. Я правильно понимаю?

Анден опешил и невольно снова перешел на кеконский:

— Дело не в продаже нефрита. Разве вы не хотите отменить такой неразумный закон, направленный во вред кеконцам? Вы же сами из семьи Зеленых костей!

— Не я пишу законы, господин Эмери, — ответила она, по-прежнему на эспенском. — Но, в отличие от некоторых, я их соблюдаю.

— Моя семья никогда не попросила бы вас сделать что-то неподобающее, что могло бы вам навредить, — возразил Анден. — Придя сюда сегодня, я надеялся лишь на то, что вы поговорите с моим братом и сестрой, представите их министру Хагарту и другим чиновникам министерства и, может быть, благодаря своему опыту дадите нам ценные советы, как наладить связи с нужными

людьми в правительстве. Я собирался попросить вас об этом одолжении как друг вашей семьи и как соотечественник.

— Я эспенка, господин Эмери, — сказала Келли Даук. — И работаю в федеральном правительстве. — Она встала из-за стола, вежливо, но твердо показывая, что встреча окончена, а секретарша открыла дверь, выпроваживая Андена. — Если вы хотите проталкивать здесь клановую политику, придется действовать через другие каналы.

* * *

На следующий день Анден сел на трехчасовой автобус-экспресс из Адамонта в Порт-Масси. Он смотрел из окна на знакомый силуэт мегаполиса и, как только автобус пересек мост Железный глаз и проехал под тенью знаменитого небоскреба Мачта, почувствовал глубочайшую ностальгию и смятение. Господин Хиан встретил Андена на автобусной станции в Кинсе, обнял его как вернувшегося домой сына и отметил, что он хорошо выглядит.

Они направились прямо к Даукам, где госпожа Хиан и Даук Сана готовили грандиозный ужин — жареную рыбу, тушеную зелень, суп из пяти видов грибов и жареную лапшу. Даук Лосун усадил Андена во главе стола, и весь вечер Анден поглощал еду и разговаривал. Пришли старые знакомые: Дерек, теперь владелец автомастерской; Сэмми и еще две Зеленые кости, Рик и Кино; Тод, ныне капрал Синих ангелов в ВМФ, получивший увольнительную; Тами, который работал в стоматологическом кабинете и на досуге занимался фотографией.

Все они вели себя по-дружески, хотя и слегка сдержанно, говорили с Анденом не так открыто, как когда он жил в Южном капкане, словно за прошедшие два года он постарел на десять лет и теперь был старше их, а не моложе. Анден понимал, что его принимают с таким размахом не просто потому, что рады встрече с бывшим студентом, постояльцем Хианов, но и как представителя Равнинного клана. Теперь он был важным гостем, посланным из Жанлуна семьей Коулов.

Возможно, вдобавок они пришли из любопытства, потому что слышали рассказы о том, как он спланировал убий-

ство международного нефритового контрабандиста, как его чуть не казнили Бригады вместе с Роном Торо, и оказалось, что он скрывал свои мощные нефритовые способности и с их помощью сумел вернуть к жизни женщину.

Кори прибыл после ужина, заявив, что допоздна работал в офисе. Как обычно, его появление сопровождалось дружелюбной суматохой и выкриками, хлопками по спине и смехом. Он поздоровался почти со всеми и только после этого пожал руку Андену, улыбаясь как старому, но далекому другу. Вместе с ним пришла эспенка невысокого росточка, которую он представил как «Дарию, подругу из юридической школы». У Андена пересохло во рту. Он с трудом отвечал, когда Кори спрашивал его, как дела, нравится ли ему в Жанлуне, как продвигается учеба.

— В жизни не представлял тебя врачом, Анден, хотя наверняка у тебя получается превосходно, — сказал Кори со слегка натужным смешком. — Показываешь класс, да?

Он назвал Андена по имени и ни разу не прибегнул к шутливому прозвищу «кеконец», как раньше. Анден с болью думал о том, как это Кори удастся все забыть и жить дальше как ни в чем не бывало. Но ведь Андена всегда восхищало в Кори именно это — его жизнерадостность и легкомыслие. Кори надолго не задержался и ушел вместе с подругой меньше чем через час, что одновременно и огорчило Андена, и вызвало вздох облегчения.

В конце вечера, когда Хианы и Даук Сана мыли посуду и убирались на кухне, Даук Лосун потянулся и сказал Андену:

— Хочу прогуляться по кварталу, для лучшего пищеварения. Составишь мне компанию?

Стоял теплый летний вечер, но влага в воздухе намекала на ночную грозу. Увидев Андена и Даука на улицах Южного капкана, прохожие прикладывали ко лбу ладони в приветствии и слегка кланялись человеку, которого называли своим Колоссом. Анден замедлил шаг, принаравливаясь к неспешной походке Даука.

— Прости за то, как с тобой обошлась моя дочь, Анден, — сказал Даук. — По правде говоря, мне очень стыдно.

— Не нужно извиняться, Даук-цзен, — сказал Анден.

— Келишон очень независимая и увлекающаяся, — объяснил Даук, качая головой. — Всегда стремилась сде-

лать карьеру, но не хотела иметь ничего общего со старыми кеконскими обычаями, традициями предков. Так что она живет по законам Эспении. Теперь, когда она получила высокий пост в правительстве, я надеялся, что она вспомнит свои корни и будет помогать соотечественникам, но, похоже, она стала даже еще более отстраненной и отдалилась от нас.

— Некоторые люди вырастают не такими, как другие члены семьи, вне зависимости от крови или воспитания, — сказал Анден. — Никто в этом не виноват.

Ему не хотелось смущать Даука, показывая свое разочарование, хотя он не мог не удивляться тому, что в Эспении человек, отказавшийся от родных, способен достичь такого высокого положения в обществе.

— Может, мне следовало прилагать больше усилий, чтобы мои дочери стали Зелеными костями, — вздохнул Даук. — Во времена моей молодости это попросту было невозможно, если только они не становились целительницами, как Сана, или монахинями. А теперь ты говоришь, что на Кеконе есть женщины Зеленые кости, включая твою собственную сестру, и даже женщина-Колосс. Мир меняется так быстро, а я уже старик.

— Вы еще не старик, Даук-цзен, — сказал Анден.

В шестьдесят четыре года у Даука не было ни единого седого волоса, и он заразительно смеялся, хотя за два года после гибели его близкого друга Рона Торо Колосс Южного капкана, казалось, и впрямь резко постарел. Теперь у его губ пролегли глубокие складки, и Анден заметил, что за столом он принял таблетки.

— Знаешь старую поговорку: «Нефритовые воины молоды, пока не одряхлеют»? Я знаю, в какую сторону движусь, — уныло сказал Даук, сцепив руки за спиной. — Мне жаль, что я не сумел помочь, но выходцы с Кекона совсем мало влияют на политику этой страны, даже меньше, чем бандиты из Бригад.

— Мои брат и сестра ценят все, что вы для нас делаете, Даук-цзен. Правда в том, что дела на Кеконе идут неважно. Вялотекущая война ухудшила отношения с Эспенией, и враги используют это против нас, притом что и так атакуют всеми возможными способами. Мы нуждаемся в эспенском бизнесе, и поэтому моя семья ищет любые

рычаги для упрочения нашей позиции, хотя бы в долгосрочной перспективе.

Даук поморщился:

— Я бы тоже хотел отменить запрет на нефрит, но вряд ли это возможно. Равнинный клан очень влиятелен, но не может менять отношение общества и привычки в целой стране, чей народ не понимает наши обычаи.

— Всего лишь пять лет назад мы считали, что Бригады не одолеть, можно только смириться с их требованиями, — сказал Анден, хотя после вчерашней грубой отповеди был склонен согласиться с Дауком. — И посмотрите, как все изменилось. Кто может знать, что произойдет в будущем?

— Ты говоришь с оптимизмом юности, — фыркнул Даук, но улыбнулся в темноте.

— В последнее время Бригады вам не досаждали? — спросил Анден.

Члены Бригад и Зеленые кости в Порт-Масси люто ненавидели друг друга. Местные Бригады считали, что кеконцы специально продают им негодный нефрит, и винили их в уничтожении Южной бригады Босса Кромнера, за которым последовала кровавая и широкомасштабная война между Бригадами и полицейские облавы. А кеконцы никогда не простили бы Бригадам убийство Рона Торо.

Лицо Даука стало серьезным.

— Бригады получили серьезный удар, но раненый зверь опасен. У нас теперь больше нефрита и больше бойцов, чем прежде, так что у Бригад есть причины уважать нас и бояться. И за это мы должны благодарить Равнинный клан, но если будем действовать слишком открыто и напористо, то можем зайти слишком далеко и подвергнуть себя опасности.

Они вернулись к дому Дауков. Анден слышал голоса Хианов и Саны, но Колосс не вошел в дом. Он помедлил на пороге и потер рукой затылок, а потом повернулся к Андену и заговорил, нахмурившись и тщательно выбирая слова:

— Твой брат Коул Хило прислал своего личного помощника, чтобы тот помог нам наказать Южную Бригаду. Он нашел и казнил человека, который убил моего близкого друга Рона Торо и чуть не убил твою невестку.

Анден не ответил. Он знал, что Маик Тар ездил в Эспению по приказу Хило, и цель поездки не стала сюрпризом. Правда, на лице Даука отражалась не радость по этому поводу, а лишь беспокойство.

— Тело Уиллума Римса так и не нашли, но Зеленые кости, которые были с Маиком в ту ночь, все мне рассказали. Это было чудовищно, Анден. Маик зашел слишком далеко, в этом не было необходимости.

На Новый год, когда закончился салют, пьяный Тар обнял Андена за плечи. «Хочу, чтоб ты знал — я отправил тех эспенских ублюдков на тот свет, и всю дорогу туда они верещали как резаные. За тебя, парень». Он чокнулся с Анденом бокалом хоцзи и снова влился в общее веселье.

Даук встревоженно вздохнул:

— Вполне естественно мстить за друзей и наказывать врагов, но если нас свяжут с чудовищными преступлениями, то посчитают обычными убийцами, а нефрит будет навсегда запятнан кровью. И вот ты приезжаешь и говоришь, что Равнинные хотят расширить бизнес и увеличить влияние. Но такие действия, когда мы становимся даже хуже Бригад, идут вразрез со всеми нашими надеждами.

— Даук-цзен, вы правильно сделали, что заговорили об этом, — сказал Анден.

— Ты жил здесь, Анден, и понимаешь, что в Эспении Зеленые кости должны вести себя гораздо осторожнее, чем в Жанлуне. После ослабления Бригад полицейские обратили взор на нас. Они ищут любой предлог, чтобы арестовать людей из кеконских кварталов и обыскать их на предмет нефрита, даже если они не совершили никакого другого преступления. Зато у Кору работы хоть отбавляй, — проворчал Даук, — у адвокатов нет недостатка в клиентах. Но это наносит урон нашему землячеству. Станут ли молодые люди тренироваться в нефритовых дисциплинах, если при этом могут стать изгоями и угодить в тюрьму? Они предпочтут отречься от своего наследия и жить как обычные эспенцы. Больше всего на свете я боюсь, что через двадцать лет в этой стране не останется ни одной настоящей Зеленой кости.

Поднявшийся ветер разогнал духоту летнего вечера. Где-то вдали завывла сирена. Завтра Анден будет уже в самолете на пути домой и не сможет сообщить брату

и сестре об осязаемых победах — ни о чем, что способно помочь Равнинным. Тревога в голосе Даука усугубила его ощущение бессмысленности всех усилий. Анден уважал Даука Лосуна и доверял его суждениям, хотя и возмущался тем, что Даук принудил его расстаться с Кори.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, Даук-цзен, — сказал Анден.

Даук поднес руку к воротнику рубашки и сжал нефритовую подвеску, которую носил на серебряной цепочке на шею.

— Я тоже на это надеюсь. Меня тревожит будущее, но я могу делать лишь то, что в моих силах, то есть пытаться убеждать людей ради блага землячества. Пока я еще в состоянии. — Колосс Южного капкана ободряюще похлопал Андена по плечу и повел его в дом. — Приятно было снова тебя увидеть, Анден. Ты всегда был слишком Зеленым для этого города, но я рад твоему приезду.

Глава 9

Седьмая дисциплина

шестой год, девятый месяц

СРЕДИ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ТРЕНИРОВОЧНЫХ ЦЕНТРОВ Зеленых костей в Жанлуэне спортклуб «Седьмая дисциплина» славился тем, что привечал чужаков. Он располагался в районе Йойой и не принадлежал Равнинным, но владелец, Кулак клана на пенсии, брал с Зеленых костей из Равнинного клана, а также его союзников и нейтральных кланов совсем небольшую плату. Сюда же ходили приезжие, в том числе из Эспении, независимые тренеры, работающие здесь с клиентами, и даже несколько иммигрантов-баруканов, которые не имели отношения к клану, но вели себя прилично.

Большой тренировочный зал был хорошо оборудован — по слухам, сравнится с ним могла только Фабрика в районе Острие, контролируемая Горными. Табличка в рамке над входом гласила: «Совершенство характера — это седьмая дисциплина нефритового воина». В поне-

дельник днем, когда Хило вошел в главный тренировочный зал, он застал там лишь нескольких Пальцев клана, они устраивали поединки на затупленных саблях и тренировали Легкость с утяжеляющими жилетами.

Заметив Колосса, они прервались, чтобы поприветствовать его, и выкрикнули:

— Коул-цзен!

Хило помахал рукой в ответ, но не остановился поболтать.

На циновке в глубине зала мастер Айдо учил работе с боевым ножом человека, чья необычная репутация стала известна самому Колоссу. Незнакомец оказался ниже ростом, чем ожидал Хило, крепкий и ладный, с коротко стриженными темными волосами и темным от щетины подбородком. Его нефритовая аура гудела от усталости и напряжения, но больше ничего не выдавала. Хило тут же отметил уверенность опытного бойца, хотя двигался он не так, как все остальные в этом зале. Он не использовал классические приемы и технику. Отражая атаки и контратаки мастера Айдо, он на удивление мало полагался на нефритовые способности, время от времени прибегая лишь к Силе и Броне, а иногда к Отражению — быстро и скрытно, словно пытался спрятать их за простыми и очевидными движениями.

Зеленые кости всегда с восхищением наблюдали за людьми с сильными нефритовыми способностями — мощным Отражением, прыжками Легкости, — в особенности во время публичных поединков, когда исход по случайности оказывался фатальным. Сдержанные движения этого человека были четкими и эффективными. Нефрит — ненадежное оружие, оставленное на крайний случай, чтобы быстро нейтрализовать врага, но не более. Таков подход к нефритовым сражениям в современной армии. ИСББН — интегрированная система боя с биоэнергетическим нефритом.

— Мастер Айдо, — сказал Хило, шагнув на циновку, — пожалуйста, представьте меня своему ученику.

Старый тренер явно удивился, увидев здесь Колосса. В поместье Коулов имелся собственный тренировочный зал, а Хило обычно встречался с частными тренерами во дворе поместья.

— Это Джим Сунто, Коул-цзен, — сказал Айдо, подняв брови. — Джим, это Коул Хилошудон, Колосс Равнинного клана.

Сунто переводил взгляд с Хило на мастера Айдо. Хило посмотрел на нефрит Сунто — на шейной цепочке висели два зеленых солдатских жетона. А рядом еще одна цепь, золотая и короткая, с треугольной золотой подвеской — символ горы Икана, священного места для Свидетелей Истины. Сунто было чуть меньше тридцати — моложе Хило. В свои тридцать четыре Хило с удивлением обнаружил, что вокруг полно людей младше его.

Сунто кивнул, но не поднял ладони в приветствии.

— Я знаю, кто такой Коул Хило.

— Надеюсь, я вам не помешал, — сказал Хило мастеру Айдо.

— Мы только что закончили, — ответил тренер, поняв намек. — Увидимся на следующей неделе, Джим. Коул-цзен.

Он отсалютовал Колоссу и тактично удалился, оставив его наедине с Сунто.

Тот подошел к ближайшей полке с полотенцами, вытер лицо и закинул полотенце на плечи.

— Мне нельзя здесь тренироваться? — спросил он в полуобороте.

Ни одна Зеленая кость в Жанлуне, друг или враг, не посмела бы разговаривать с Колоссом Равнинных так грубо и небрежно, повернувшись спиной, не поприветствовав должным образом.

— Никаких проблем, — ответил Хило. — Просто я услышал, что в Жанлуне живет и тренируется эспенский Синий ангел, вот и пришел посмотреть лично.

— Бывший Ангел, — уточнил Сунто. — Два года назад я уволился.

— Мои Кулаки говорят, что вы серьезный спарринг-партнер, — сказал Колосс, сунув руки в карманы и обогнув Сунто полукругом. — Говорят, вы сломали нос Хейке.

— Случайно, хотя он это заслужил. — Сунто свободно говорил по-кеконски, пусть и с заметным эспенским акцентом. — Он увлекся Отражением и ослабил оборону.

— И вы даете уроки.

— Несколько семинаров. Основы ИСББН, скрытное ношение оружия, захват врага живым и все такое. Люди просят, а для меня дополнительный заработок.

Сунто по-прежнему стоял в небрежной позе, но в его голосе звучала откровенная подозрительность, он поглядывал по сторонам, словно ожидая, что на него вот-вот набросятся Кулаки клана.

— Давайте поговорим где-нибудь в другом месте, лейтенант, — сказал Хило.

— Я бы предпочел разговаривать здесь.

— Как вам угодно.

Хило положил руку ему на плечо. Сунто отреагировал мгновенно, вывернувшись из-под нее, и схватил Хило за запястье. Но другой рукой Хило уже Концентрировался в его правое легкое. Удар пришелся далеко от сердца и не причинил никакого серьезного вреда, но был ужасно болезненным, Сунто должен был упасть на пол и несколько минут пытаться восстановить дыхание.

К удивлению Хило, Сунто выпустил его запястье, включил Броню, резко вывернулся и в ответ тоже Сконцентрировался в верхнюю часть торса, отразив атаку, а в плечевом суставе Хило полыхнула боль. От удара по груди Сунто должен был согнуться пополам, захлебываясь в кашле, но, даже лишившись воздуха в легких, он без колебаний поднял колено и врезал Хило в пах.

Несмотря на Броню, на глазах Хило выступили слезы, и он упал на одно колено. Сунто опустил руку с ножом к его сонной артерии. Хило отпрыгнул в сторону, и нож отскочил от плеча, не причинив вреда. Хило тут же кинул четкую горизонтальную волну Отражения, которая пришлась Сунто в живот и сшибла его с ног, отбросив на несколько шагов. Вскочив на ноги, Колосс с Легкостью прыгнул и приземлился со всей сокрушительной Силой, но не на Сунто, а рядом с ним, расплющив циновку, а не грудную клетку противника.

Сунто немедленно перекатился и встал в оборонительную позицию, слегка пригнувшись, но Хило уже улыбался и шел к нему с раскинутыми руками, чуть прихрамывая из-за резкой боли в животе.

— Я все гадал, неужели эспенцы и впрямь хорошо тренируют солдат или это всего лишь болтовня.

Сунто смущенно нахмурился:

— Так, значит, вы пришли не убивать меня и не избивать?

— А разве я говорил что-то подобное? — спросил Хило.

Сунто медленно и скептически выпрямился, морщась и потирая грудь.

— Лидер одного из крупнейших кланов Зеленых костей неожиданно объявляется, чтобы поговорить? Не вините меня, если я сомневался в том, что выйду отсюда живым. Многие люди в этом городе не любят эспенских военных, даже отставных и кеконского происхождения.

Все присутствующие в спортклубе «Седьмая дисциплина» отвлеклись от тренировок, глядя на удивительное зрелище — поединок Колосса Равнинного клана с бывшим Синим ангелом. Кое-кто даже вытащил компактную тридцатипятимиллиметровую камеру.

— И не вздумайте, — рявкнул Хило через плечо. — Возвращайтесь к своим делам. Я разговариваю с посетителем спортклуба, разве не ясно?

Попавшие под раздачу Кулаки пробормотали извинения и неохотно убрались восвояси. Хило снова повернулся к Сунто:

— Если бы у меня были к вам претензии, вы бы уже это поняли. Я же сказал, что пришел поговорить, разве не так? На другой стороне улицы есть ресторан. Угощу вас выпивкой в качестве извинения за этот удар.

* * *

Поскольку ресторан «Два тигра» официально еще не открылся, они оказались там только вдвоем. Хило попросил управляющего принести эспенское янтарное пиво для Сунто и шотарский пильзнер для себя. Сунто отказался от предложенной сигареты, а Колосс откинулся на спинку кресла и закурил. Нефритовая аура Сунто по-прежнему ощетиливалась подозрениями, но, выпив свое пиво, он спросил:

— Так о чем вы хотели поговорить?

— Для начала расскажите, как вы стали эспенским солдатом и военным инструктором.

Равнинные уже навели справки о Сунто, но Хило считал, что человека можно узнать гораздо лучше, когда он сам рассказывает о себе.

Сунто Цзимоньон родился в Жанлуне у матери-одиночки. Когда ему исполнилось шесть, мать вышла замуж, и отчим перевез семью в Эспению. Сунто не ладил с отчимом и в семнадцать лет ушел из дома, вступив в эспенскую армию, где его быстро заметили, отправили учиться ИСББН, а потом записали в Синие ангелы. Во время второй командировки в Оортоко он получил ранение осколками гранаты и попал в госпиталь на военно-морской базе Эуман. Здесь он начал тренировать новых рекрутов для Синих ангелов и стал известным инструктором. Когда война в Оортоко близилась к концу, ему предстояло получить новое назначение, и он предпочел уволиться, чтобы остаться на Кеконе.

— Я устал от того, что мне отдают приказы, — объяснил он, передернув плечами. — Мне хотелось просто пожить здесь и тренироваться, пока я не решу, что делать дальше.

— Вам разрешили оставить нефрит себе, — заметил Хило.

Сунто прикоснулся к своим нефритовым жетонам.

— Это не мой нефрит, — сказал он. — Мне предоставило его эспенское правительство в бессрочное пользование, потому что я до сих пор числюсь инструктором по ИСББН на военно-морской базе Эуман. Приезжая туда, я живу в казармах для офицеров, а в остальное время снимаю квартиру в городе.

Хило с любопытством наклонил голову:

— Не хотите сделать свой нефрит ставкой в дуэли?

Взгляд Сунто скользнул вниз, к широкой линии нефритовых вставок, просвечивающих между расстегнутыми пуговицами воротника, а потом вновь к лицу Колосса.

— Меня учили пользоваться только необходимым количеством нефрита, — сказал он. — ИСББН основана на самых базовых боевых техниках, простых и эффективных, которые разработаны для спецназа, все солдаты укомплектованы одинаковым количеством биоэнергетического нефрита. Все сверх этого — лишний риск. — Сунто нахмурился и покрутил бокал с пивом. На столе расплылся кружок влаги. — Некоторые из тех ребят, с которыми мы вместе были в Оортоко, сейчас паршиво себя чувствуют. Психические заболевания, наркотиче-

ская зависимость, дурные привычки. Мне повезло — на моей стороне кеконская генетика, но мне не нужно много нефрита лишь для бахвальства.

— Это верно. — Выражение лица Хило осталось нейтральным. Он затушил сигарету. — В конце концов, вы ведь иностранный солдат, а не Зеленая кость.

Сунто с подозрением и нетерпеливо оглядел Колосса. Потом отодвинул свой бокал и скрестил руки на столе.

— Слушайте, я знаю, что ваша семья — важные шишки, — сказал он будничным тоном, показывая, что он не глуп, а недостаток почтительности не вызван неведением, просто он эспенский военный, не подотчетный ни одному лидеру клана. — Я приехал в Жанлун не для того, чтобы бороться с вашими людьми за нефрит или создавать вам проблемы. Клянусь Истинным Богом. Я просто занимаюсь своими делами, зарабатываю понемножку, вот и все.

Хило неожиданно решил, что Джим Сунто ему нравится. В Жанлуэ тот был чем-то инородным, с его эспенским гражданством и воинским званием. Он носил нефрит и использовал его в деле, но не принес клятву ни одному клану и не пытался выделываться. Человек, способный пнуть Колосса по яйцам, не боясь умереть, это нечто особенное. Сунто напомнил Хило самого себя в юности, когда он еще не был Колоссом или даже Штырем, когда любой мог бросить ему вызов, а ему самому приходилось ежедневно завоевывать уважение словами, кулаками и ножом.

— Рад это слышать, — сказал Хило с широкой улыбкой.

— Ну что ж, раз мы все прояснили, тогда, наверное, мы закончили, — сказал Сунто, допивая пиво, и отодвинул свой стул.

— Сядьте, лейтенант. — Хотя Сунто больше не был кадровым офицером, обращение по воинскому званию казалось Хило самым подходящим случаем. — Думаете, я пришел к вам, только чтобы рыкнуть как здоровенная псина? — Хило жестом велел Сунто сесть. — Вы сказали, что приехали сюда заработать. Я могу предложить вам способ заработать гораздо больше. Хотите меня выслушать?

Сунто был не первым человеком, которого испугал внезапный переход Колосса от расслабленного и добро-

душного настроения к приказному тону. Сунто замер, его нефритовая аура оцетинилась. Он опасливо опустился на стул.

Хило попросил управляющего «Двух тигров» принести Сунто еще одно пиво.

— Что вы знаете о кеконской армии? — спросил Колосс.

— Когда я был Ангелом, мы иногда тренировались вместе с кеконскими военными. Не могу назвать их совсем уж дохляками, но для страны с самыми большими запасами биоэнергетического нефрита в мире они явно слабоваты.

— Это потому что кланы забирают весь нефрит и всех бойцов, а некоторым из них плевать на интересы страны. — Хило саркастически изогнул губы. — По крайней мере так говорят.

Хило по-прежнему был в ярости из-за того, что Айт Мада переиграла его на заседании КНА в начале года, перед лицом лидеров всех остальных кланов страны. Она выставила напоказ слабость Равнинных, заставив Хило признать, что клан не может себе позволить потерять ни одного потенциального Пальца, отдав его армии.

С тех пор Горные прогнозируемо и безжалостно обвиняли Равнинных в прессе из-за этого отказа, борясь за общественное мнение. Хотя КНА недавно единогласно проголосовал за то, чтобы увеличить поставки нефрита армии, а сторонники Равнинных в Королевском совете помогли провести закон о выделении дополнительных средств на оборону, если верить злобному ворчанию Кобена Йиро по радио, Югутан был готов вторгнуться в страну только лишь из-за эгоистичной жадности Равнинных.

В своей новой роли «говорящей головы» Айт Мады Кобен вещал с энтузиазмом и, уж конечно, старался не помешать усилиям Горных финансово задушить соперников. Последние сводки, которые получила Шаэ, показывали, что в этом году две трети новых предприятий предпочли уйти под крыло Горных, а не Равнинных. Вун Папидонва изо всех сил работал над имиджем клана и отношениями с общественностью, но, как сказала Шаэ, «невозможно продать воздух». Равнинные нуждались в более существенных политических победах.

Хило сомневался, что сестра преуспееет на этом фронте. Она доставляла ему немало неприятных минут, и ему было ясно, что Шелест и ее люди работают в авральном режиме. А в авральном режиме клану не победить.

— А если говорить начистоту, — медленно произнес Сунто, после того как Хило объяснил суть предложения, — вы просите меня помочь реформировать кеконскую армию?

— Вы обучали ИСББН эспенских Синих ангелов и некоторых Зеленых костей. Кеконским военным пригодится человек вроде вас, который покажет, как выжать все возможное из имеющегося у них нефрита. Не стану отрицать — иностранцы обладают некоторыми умениями, которым не грех поучиться и Зеленым костям.

Сунто откинулся назад, скрестив руки на груди, и пожевал щеку.

— Признаюсь, я не ожидал услышать такое от Колосса клана. Но я знаю, что кое в чем эспенские военные с вами согласны. Сильная кеконская армия послужит буфером против Югутана. — Он ощупал треугольную подвеску на шее, словно советуясь со своим Богом и оценивая перспективы. — Когда я встречусь с генералом Рону?

* * *

На ужин Вен приготовила крабовый суп, сибаса с перцем, ростки гороха с чесноком и булочки с начинкой. Ей помогала Кьянла, но Вен гордилась, что в основном все сделала сама, хотя это заняло несколько часов. Правая сторона тела иногда по-прежнему отнималась, но теперь Вен гораздо лучше сохраняла равновесие и контролировала свои движения, к тому же она постепенно привыкла делать все одной рукой.

Когда Хило вернулся домой, Вен ожидала его в столовой, одевшись в нежно-голубое платье с жемчужным ожерельем, а на столе стоял изысканный ужин на двоих.

— В честь чего это все? — спросил Хило.

— Я просто подумала... что было бы приятно поужинать вдвоем. И в кои-то веки наедине.

Ее муж снял пиджак и оружие, бросил ключи и бумажник на буфет и сел за стол, излучая добродушную подозрительность. Он оглядел неожиданно притихший дом.

— А где дети?

— Я отправила... Нико спать к Цзуэнам. Рю и Цзая в доме твоей матери.

— Цзая будет в ярости.

У трехлетней малышки были собственные представления о том, как положено проводить вечер, начиная с ужина и заканчивая большой книгой сказок о герое Байцзене, которую читал ей отец перед сном. Она могла устроить такую истерику, которую Почуяли бы или даже услышали на другой стороне обширного внутреннего двора поместья Коулов.

— Ей пока не понять... что не всегда получаешь желаемое.

Вен аккуратно разлила суп в две тарелки, сосредоточившись на том, чтобы не дрожала рука. Ее тревожило, что дети могут вырасти избалованными или беспризорными или еще что-нибудь. Пока она болела, за ними присматривали родственники, но Вен по-прежнему страдала от неспособности быть более заботливой матерью. Она не могла взять детей на руки, бегать с ними или завязать им шнурки.

Хило попробовал суп.

— Неплохо, — признал он почти нехотя.

Несколько минут они ели молча, но Вен чувствовала на себе взгляд мужа.

— Ты была в этом платье на нашей свадьбе, — сказал он.

Вен улыбнулась — он заметил.

— Оно по-прежнему хорошо смотрится?

Под шелковое платье она надела утягивающие панталоны и поддерживающий лифчик. Рождение двух детей и кормление грудью, а потом утрата подвижности из-за повреждения мозга привели к тому, что фигура под платьем была уже не та, что шесть с половиной лет назад.

— Конечно, — сказал Хило, и в его глазах засветилась нежность. — Может быть, не так восхитительно, как в первый раз, но лишь потому, что тогда я готовился умереть. Все вокруг кажется вдвойне прекрасным, когда ты думаешь, что больше этого не увидишь.

— Иногда... — сказала Вен, снимая крышку с рыбы, — потом все кажется еще прекрасней, когда понимаешь... что получил второй ш-шанс.

Она нервно потеряла ложку.

Хило потянулся через стол и забрал у Вен ложку. Он положил на тарелку жены немного сибаса и гороховых ростков, но движения были слишком резкие — он крошил рыбу, словно та была еще жива и ее нужно убить. Голос Хило звучал нежно, но с болезненными нотками.

— Не бывает настоящих вторых шансов. Даже если переживешь самое худшее, жизнь будет уже не той, что прежде. — Он снова сел, громко шаркнув ногами по полу. — Посмотри на Тара. Есть вещи, от которых невозможно исцелиться.

Вен сжала ладони на коленях, напомним себе, что именно этого она и добивалась — откровенного разговора с мужем.

— Тару и Йин Ро не следует жениться, — сказала она. — Они друг другу не подходят.

— Они годами то пылали страстью, то охладели, — проворчал Хило. — А теперь обещали мне, что наконец-то готовы принести настоящие клятвы друг другу, так почему бы не дать им шанс? Тару нужны близкие люди помимо нас, нужно чем-то себя занять.

Тар так часто оставался ночевать в главном особняке поместья, что практически переехал к ним, но после помолвки с Йин Ро в прошлом месяце проводил больше времени в ее квартире в Согене.

Вен знала, что Хило снял с Тара часть обязанностей и велел ему отдохнуть, сказав, что он заслужил отпуск после поездки в Эспению с трудным заданием.

Это была правда, хотя подлинной причиной стал разговор с Анденом после его возвращения из Порт-Масси — он передал Хило слова Даука Лосуна. Вен слышала этот разговор в кабинете Колосса. «Хило-цзен, — встревоженно сказал Анден, — зелень Тара почернела».

«Зелень почернела» — так говорили, когда нефритовый воин терял рассудок, обычно от Зуда, и часто становился опасен для себя и окружающих. С таким человеком приходилось разбираться, его уговаривали или заставляли снять нефрит. Однако Вен была убеждена, что проблема Тара не имеет ничего общего с избытком нефрита. Без Кена он превратился в единственное колесо катящейся под откос телеги, а преданность Хило служила противом-

весом от одиночества и жажды крови. Его радовало лишь общение с детьми, в особенности с Маиком Цамом, сыном Кена, но Тар постоянно вбивал им в головы полные жестокости истории, и даже Вен, не желавшая ограждать детей от реальности, старалась ограничить их общение с дядей Таром, иначе по ночам они просыпались от кошмаров и с плачем прибегали к ней в спальню.

Помолвка Тара с Йин Ро в прошлом месяце стала сюрпризом.

— По крайней мере, он хочет измениться, — указал Хило. — Тар заслуживает счастья.

— А как насчет всех остальных? — осторожно спросила Вен. — Чего заслуживаем мы?

Хило медленно прожевал рыбу. Потянувшись за теплыми булочками, он покосился на Вен:

— В каком смысле?

Собираясь с духом, Вен скомкала лежащую на коленях салфетку.

— Мы... не можем оттаваться такими же отстраненными и причинять друг другу боль, Хило. Колосс должен... заботиться о том, чтобы семья была крепкой. А наша семья не такая. Мы в тупике. Ты не... — Вен не сумела облачить бурлящие мысли в точные слова и видела, что ее запинаящая речь вызывает у Хило жалость и злость. — Что ты... Ты... хочешь развестись?

Хило оттолкнул свой стул. Вен никогда прежде не боялась мужа, он ни разу не ударил ее и не смотрел так, будто хочет ударить, но сейчас при взгляде на его лицо у нее останавливалось сердце.

— Так вот чего ты хочешь? — спросил он со сдерживаемой яростью. — Мало тебе прежнего предательства, ты еще собралась разрушить семью?

Вен энергично покачала головой, но Хило говорил все громче, словно весь накопившийся гнев собрался в грозовую тучу, а от стоящего в его глазах обвинения Вен потеряла дар речи.

— Почему, Вен? Разве я не любил тебя, не заботился о тебе, не помогал в карьере, не делал все, чтобы ты и дети были в безопасности? А ты не послушалась меня, хотя это было так просто!

Вен решительно настраивалась поговорить с мужем без слез, но теперь перед ее глазами все поплыло.

— Слишком многое... стояло на кону. Я знала, что ты не выпустишь меня... из сейфа, в который поместил. И поэтому я убедила Шаэ. Ты вынудил нас... солгать.

— Я тебя вынудил?! — На мгновение Хило застыл с открытым ртом. Потом резко его захлопнул. — Порой мне кажется, что лжецы не лучше воров, — процедил он сквозь зубы. — Они крадут доверие, которое уже не вернешь.

Прежде чем Вен успела подняться со стула, Хило выскочил из дома — он всегда легко опережал ее уверенными и широкими шагами.

* * *

Хило выбежал из двери и запрыгнул в «Княгиню», но тут вспомнил, что в запале оставил ключи от машины дома, вместе с пиджаком, оружием и бумажником. Он разочарованно взвыл и стукнул по рулю, а потом опустил стекло и выкурил три сигареты подряд, пока не успокоился.

Он подумывал, не поспать ли в машине до утра. Но потом ему пришло в голову, что можно дойти до резиденции Шелеста и попросить сестру разрешить ему провести ночь у нее на диване. Обе мысли выглядели такими жалкими, что он громко рассмеялся в темноте. Вообразить испепеляющий взгляд Шаэ было и весело, и печально одновременно. Хотя... Между ней и Вуном в последнее время явно что-то происходило. Она была рассеянной и несчастной. Так почему бы им впервые в жизни не выпить вдвоем и не поплакаться над бокалом хоцзи? Хило снова хохотнул.

Когда этим вечером он вошел в дом и увидел такую прекрасную Вен, которая ждала его с тяжело давшимися ей ужином, Хило хотелось одного — вновь безраздельно отдать ей свое сердце, загладить все обиды. Когда-то он с легкостью говорил жене, как ее любит, — три простых слова за один вдох. Прощание после телефонного разговора, приглашение заняться любовью, нежный шепот перед сном.

А теперь эти слова казались неприступной эмоциональной горой. Каждый раз, когда он стремился наладить отношения с Вен, в нем вскипал гнев, и Хило боялся, что сделает еще хуже, а потому сдавал назад, как будто ма-

шинально включал Броню в ответ на поднятый клинок или выдергивал руку из пламени. Как часто он винил Шаэ в том, что она ни с кем не сближается, не честна сама с собой и другими? А теперь сам закрылся и в одиночестве бережит невидимые раны, в точности как когда-то Лан.

Эта мысль наполнила Хило страхом и тревогой. Он никогда не был самодостаточной личностью, это он точно знал. Возможно, некоторые люди и не нуждаются в других, но их немного, и обычно они становятся такими по серьезной причине. Братство клана — это гарантия, что его бойцы не останутся в одиночестве. Так говорится в клятве Зеленых костей, ради этого его семья приносила все жертвы, безжалостно сражалась с врагами, а в итоге он не может даже быть рядом с теми, кого любит.

Хило колебался. Время было уже позднее, и у него кончились сигареты.

Он вышел из машины и тяжело зашагал обратно к дому. Ему пришлось признать, что нельзя оставлять брак в тупике. При мысли о разводе перед глазами вставала красная пелена, а в голове полыхало пламя. Значит, это тоже не вариант. Хило не был уверен, что способен полностью простить жену или сестру, но Анден однажды сказал, что понимание важнее прощения. Младший братишка Хило иногда изрекал удивительную мудрость.

Свет в доме уже не горел, но глаза Хило привыкли к темноте. Вен убрала остатки ужина и заснула на диване в гостиной, свернувшись на боку под пледом. Возможно, она ждала Хило или слишком устала, чтобы подниматься по лестнице. Хило встал рядом с ней, наблюдая, как поднимаются и опускаются белые плечи в ритм с дыханием. Такая нежная и уязвимая, но сильнее и бесстрашнее большинства его бойцов.

Хило наклонился и с легкостью взял жену на руки. Когда он нес ее вверх по лестнице в спальню, Вен проснулась и сонно прошептала:

— Хило? Который час?

— Уже поздно, — ответил он. — Но не слишком поздно. — Он положил Вен на кровать и сел рядом. — Прости за то, что было за ужином. Он был великолепный, одно из лучших твоих творений. Но я уверен, ты приготовишь и другие. Или в следующий раз пойдем куда-нибудь в ресторан.

— Хорошо, — тихо произнесла Вен и потерла глаза ладонями.

— Я не должен был выходить из себя и убегать из дома, но я никуда не ходил, просто сидел в машине. — Он наклонился и смахнул прилипшие к ее щекам локоны. Жест был нежным, в отличие от голоса. — Наверное, хуже всего — ошибки, сделанные из-за любви, и мы оба их совершили. Но больше не говори о разводе. Я этого не вынесу. Понятно?

Вен кивнула.

Хило раздел ее и разделся сам, а потом лег в постель рядом с женой. Медленно, но твердо он коснулся ее живота и груди, бедер и ягодиц. Засунул руку между бедер и стал поглаживать пальцами, целуя в подбородок.

Вен повернулась к нему и прижалась мокрым лицом к груди и животу. Потом скользнула под одеяло и стала ласкать губами его член. Но Хило притянул ее к себе и перевернул на спину, в свою очередь лаская ее, пока она не истекла влагой. Уже давно они не исследовали друг друга так внимательно и теперь вели себя как опытные любовники с новыми партнерами. Когда Хило с дрожью вошел в нее, оба замерли, затаив дыхание.

Это был не самый их страстный и безумный секс, но самый непреклонный. Они кончили вместе, что обычно бывало редко. После секса они не разговаривали, а сразу заснули, сплетя в темноте пальцы.

Глава 10

Тебе не победить

шестой год, десятый месяц

ШАЭ ПОЕХАЛА В ЛУКАНГ ПОЕЗДОМ, это заняло пять часов. Вагоны бизнес-класса были гораздо комфортабельнее, чем самолеты местных авиалиний, а в поездке она могла любоваться на пейзажи за окном и работать.

Она вновь просмотрела все, что выяснил о клане Единство шести рук новый глава ее администрации Луто Тагунин. За последние полгода двадцатипятилетний Луто по-

казал, что быстро учится, пунктуален и энергичен. Он как будто почти не нуждался во сне. Работал допоздна, кутил с друзьями, а на следующее утро был как огурчик. Он уже умело ориентировался в деловой стороне клана и произвел впечатление на Шаэ внимательностью к деталям.

Только одно сдерживало карьеру Луто в клане — он не был Зеленой костью. Для большинства позиций в ведомстве Шелеста это не было ограничением, за исключением высших должностей, но исключало его из определенного круга общения. У Шаэ не было никаких причин для недовольства работой Луто, за исключением одной — он не Вун Папидонва.

Луто не был таким же вдумчивым и опытным, как Вун. Он не обладал хладнокровием Вуна и не читал мысли Шаэ, как умел Вун. Луто не мог Почуять, когда он был нужен ей в кабинете для обсуждения сложной проблемы, и не знал, когда и как оспаривать ее решения или находить прорехи в логических рассуждениях, а в конце рабочего дня не ждал ее, чтобы отвезти домой.

Шаэ напомнила себе, что ей трудно привыкнуть, ведь она работала с одним руководителем администрации с тех пор, как стала Шелестом. Нужно время, чтобы смириться с новым человеком в этой роли. Она по-прежнему виделась с Вуном. Его кабинет находился всего на один этаж ниже, и они разговаривали почти ежедневно. Хранитель печати в эти дни был занят — доводил до сведения широкой публики, что Равнинные помогают кеконской армии, предоставив ей экспертов по ИСББН, чтобы разработать более современную программу подготовки в нефритовых дисциплинах. Каждый раз, когда Шаэ проходила мимо кабинета Тени Шелеста, находящегося рядом с ее собственным, она ощущала укол разочарования, потому что там сидел Луто, а не Вун, и постоянно находила предложения спуститься на этаж ниже, чтобы Почуять знакомую ауру.

После того поцелуя у нее дома Шаэ собралась с духом и в понедельник утром пошла в новый кабинет Вуна. В конце концов, она ведь Шелест, Зеленая кость самого высокого ранга. Именно она должна разобраться с этой проблемой.

— Папи-цзен, — решительно сказала она, закрыв за собой дверь кабинета. — Насчет прошлой недели. Я...

Прежде чем она успела сказать еще хоть слово, Вун вскочил и чуть не сшиб собственный стул.

— Ничего больше не говори, Шаэ-цзен. — Он смотрел на нее всего несколько секунд и отвел взгляд, словно Шаэ светила ему в глаза фонарем. — Ты же знаешь о моих чувствах к тебе, — сказал он, понизив голос. — Если ты извинишься за случившееся и скажешь, что этого не хотела, мне невыносимо будет это слышать. Если ты скажешь, что этого не хотела, хотя чувствуешь то же, что и я, будет еще больнее — значит, у меня был шанс... — Его кадык дернулся, а нефритовая аура полыхнула от противоречивых эмоций, Шаэ не сумела расшифровать эту бурю текстур. — Я не могу бросить Кийю. Это было бы бесчестно после того, через что мы прошли. И я не могу перенести мысль о том, что потеряю твою дружбу и уважение. Возможно ли... возможно ли, чтобы мы просто работали вместе и... и не позволяли чувствам мешать работе?

Он наконец посмотрел Шаэ в лицо, и она почти пожалела об этом, потому что от его мягкого и искреннего взгляда у нее внутри защемило от болезненного желания. Она стояла на почтительном расстоянии, в деловом костюме, и представляла его губы на своей шее, его большие ладони, забирающиеся под блузку. В этот миг Шаэ поняла, какая же она дура — влюбиться в коллегу и друга, когда уже слишком поздно.

— Конечно, — выдавила она.

* * *

Верный своему слову, Вун присматривал за работой Луто и тщательно проверил искренность намерений клана Единство шести рук, исследовал состояние его финансов и других операций, и, наконец, они устроили тайную встречу с лидерами клана. Прежде чем сесть на поезд, Шаэ поговорила с Вуном по телефону.

— У тебя точно есть все необходимые данные, Шаэ-цзен? — спросил он.

Они оба знали, как важна эта встреча. Если Шаэ добьется перехода клана Единство шести рук под крыло Равнинных, все может измениться. Она приняла тща-